

Алексей ЛАПИН

Лариса КОРОЛЕВА

ТРИ СУДЬБЫ

Лариса Королева

Три судьбы

«Издательские решения»

Королева Л.

Три судьбы / Л. Королева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502022-2

Как случилось, что жизни троих подростков, мечтавших поступить в Омскую высшую школу милиции, сложились так по-разному? Почему один них построил звёздную карьеру, второй создал успешный бизнес, а третий так и остался способным опером? Расплачиваются ли дети за грехи родителей? На каком этапе чаша весов судьбы склоняется в ту или иную сторону? Когда соблазнил чужую девушку, взял первую взятку, заказал убийство шантажиста или застрелил лучшего друга? Герои романа ищут ответы на непростые вопросы.

ISBN 978-5-00-502022-2

© Королева Л.
© Издательские решения

Содержание

Триумфальное возвращение	6
Гибель от успеха	10
Все хотят в милицию	15
Два плюс два	20
После ссоры	24
Ни невесты, ни друга	29
Первая взятка	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Три судьбы

Алексей Лапин
Лариса Королева

Дизайнер обложки Ольга ЯКУШИНА

© Алексей Лапин, 2019

© Лариса Королева, 2019

© Ольга ЯКУШИНА, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-2022-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все персонажи романа вымышлены.

Любые совпадения событий случайны.

Триумфальное возвращение Омск, сентябрь 2004 г

Алексей Мудров застегнул привязной ремень и посмотрел в иллюминатор. Самолёт только что вынырнул из зоны облаков и плавно пошёл на снижение. Видимость была чёткой. Вскоре можно было различить изгибающуюся вдоль крутых берегов полосу реки Омь и кажущиеся крошечными коробочками дачи. Ещё несколько минут, и откроется панорама Иртыша с зелёными островами и длинными мостами. В который раз он пролетает над родным городом? Точных подсчётов Алексей не вёл, но был уверен, что приземлялся в Омске не менее пятидесяти раз. «Главное, чтобы число взлётов всегда совпадало с количеством посадок», – улыбнулся он про себя.

В этот раз Мудров направлялся в город детства с особой миссией: ему предстоит возглавить областную милицию, и рядом с ним в мягком кресле просторного салона бизнес-класса дремлет заместитель министра МВД России, который представит его личному составу. Когда Алексей начинал службу, он не думал о том, как стать генералом или хотя бы полковником. Считал, что дослужиться до майора, потом выйти на пенсию и получать сто двадцать рублей пенсии в месяц – вполне достойная перспектива. Но когда получил звание полковника, подумалось: «А почему бы не стать генералом?». И вот он уже в звании генерал-майора.

За четверть века Мудров прошёл все этапы милицейской карьеры: от оперуполномоченного – до начальника уголовного розыска края, от начальника районного отдела милиции – до министра республиканского МВД. Судьба достаточно помотала его по стране, но мог ли он представить, что в очередной раз она вернёт его в Омск не в отпуск, не по делам, а на очередную высокопоставленную должность?

Прошла почти неделя с момента, как Президент подписал Указ об его назначении. Мудров сразу же вылетел в Москву и пять дней ходил по кабинетам начальников управлений главка и заместителей министров, которые рассказывали, на что надо обратить внимание на новом месте службы. В последнюю очередь он вместе с пятью другими вновь назначенными руководителями ГУВД краёв и областей попал к министру, который провёл заключительный инструктаж.

И вот шасси самолёта пружинисто коснулись взлётно-посадочной полосы. Лайнер начал резкое торможение, и пассажиры принялись аплодировать. Только в этот момент окончательно проснулся заместитель министра, которому предстояло возвращение в Москву ночным рейсом, и хрипловатым ото сна голосом произнёс:

– Никогда не был в Омске. Да толком его и не увижу. Разве что по пути от аэропорта до главка и обратно.

– А вы в отпуск прилетайте, – предложил Алексей, – город красивый, да и места вокруг замечательные – леса, озёра. Рыбалка и охота у нас знатные.

– Хорошо бы, – вздохнул генерал-лейтенант. – Только вот когда?

Служебная машина ГУВД области подъехала прямо к трапу, и они первыми вышли из самолёта. Их встречал исполняющий обязанности начальника главка Игорь Воронов, а по трассе сопровождали две машины ГИБДД. Мудров почти сразу заметил мотоциклиста, движущегося впереди кортежа на приличном расстоянии, но с такой же скоростью, и улыбнулся вспыхнувшей догадке. Понаблюдав несколько минут за широкоплечим всадником в лёгкой красной дутой куртке, Алексей удостоверился: конечно же, только один человек в этом городе мог позволить себе такой наглый пассаж – его друг детства Володька Леонтьев, в данный момент старший оперуполномоченный управления уголовного розыска областного главка. Сорок восемь лет мужику, а всё те же мальчишеские выходки! Никакой субординации.

Но Алексей ничуть не рассердился, он понимал, что большой любитель дорогих мотоциклов просто не смог удержаться, чтобы не поприветствовать старого друга, а теперь и нового начальника, таким экзальтированным образом. Словно знак подал: «Я здесь, Лёша, и я тебе рад».

Пообщаться им в тот день не удалось. После представления Мудрова заместителем министра личному составу состоялся небольшой банкет в закрытом зале ресторана. Застолье длилось недолго и носило, скорее, официальный характер. По окончании мероприятия Алексей сопровождал генерал-лейтенанта на служебной машине в аэропорт, вернулся в центр города и заселился в гостиницу.

Родителям он позвонил уже из номера и пообещал завтра после встречи с губернатором области и перед вылетом в Краснодар заскочить к ним на часик. Терпеливо выслушал сетования мамы на то, что не остался у них на ночь и пообещал, что очень скоро они будут видеться довольно часто.

Около полуночи Мудров пообщался по телефону с женой, радуясь тому, что разница во времени между городами составляет три часа, и ей не пришлось бороться со сном, дожидаясь его позднего звонка. Им со Светланой предстояло провести семьёй всего одну неделю, а потом снова жить вдали друг от друга и общаться наездами, как уже не раз случалось за время их брака.

Личная жизнь в милицейской карьере имела важнейшее значение, и каждый должен был решить для себя: жениться или не жениться, выходить замуж или не выходить. Для того чтобы в органах внутренних дел быть хорошим исполнителем, семью лучше не создавать. А создашь – не удержишь. Это правило касалось и его друга Владимира, чья личная жизнь – бесконечная работа. Но Мудров считал, что у руководителя семья должна быть однозначно. Жена, дети – это та отдушина, которая даёт возможность постоянно пополнять свои внутренние резервы. Очень важно идти на работу и знать, что возвращаешься домой – а там тебя ждут родные люди.

Браки многих сотрудников милиции распадаются, потому что мужа вечно нет дома. А нет его не из-за того, что он хочет находиться на работе круглосуточно, а из-за того, что так складываются обстоятельства. Жена Алексея это понимала, и он считал, ему очень повезло. Светлана – не просто любимая женщина, но и разумная мать, боевая подруга и хранительница очага. Она работала, но карьере мужа ставила выше собственной, и когда им приходилось надолго разлучаться, она говорила:

– Служба есть служба. Если ты не будешь это делать, это будет делать кто-то другой. Пусть лучше ты.

Следовать за мужем от одного места назначения к другому Светлана не имела возможности, ведь это значило бы срывать с насиженного места и детей. Для ребёнка из «кочующей» семьи просто беда постоянно менять школы, учителей, друзей, преподавателей дополнительного обучения. Это серьёзная психологическая травма, иногда она чревата потерей будущей профессии. К примеру, кто-то рисует и занимается с художником, но переехал в другой город – а там нет мастера такого уровня. Ребята, которые занимаются спортом, теряют любимых тренеров. Играл парень в футбол, а на новом месте жительства нет команды. Такое сплошь и рядом случается с детьми милиционеров и военнослужащих. И поэтому некоторые семьи не переезжают вслед за главой, так как матери опасаются, что у детей не сложится сначала учёба, а позже и карьера. Особенно это касается тех, кто не глубинку меняет на столичный город, а наоборот.

Старшая дочь Мудровых в этом году поступила в университет, младшая через пару лет окончит школу. О том, чтобы выдергивать девчонок из привычной среды и ломать их учёбу не могло быть и речи. И сейчас Алексею предстояло лететь в Краснодар, сдавать дела, собирать необходимые вещи, прощаться с близкими и отбывать к новому месту службы.

* * * * *

Маргарита вошла в Интернет, и первое, что бросилось ей в глаза, было сообщение о том, что Управление МВД России по Омской области возглавил Алексей Мудров.

– Алекс, – прошептала она, и сердце заколотилось в ускоренном темпе, казалось, оно уже выскочило в горло, и вот-вот вырвется наружу.

Всматриваясь в фотографию одноклассника в фуражке и милицейской форме с погонами генерал-майора, она выискивала в изображении взрослого мужественного лица милые и знакомые с детства чёрточки: золотистые точки в карих глазах и небольшую ямочку на волевом подбородке, говорящую то ли о безрассудстве характера, то ли о целенаправленности деятельности её обладателя. Она уже забыла значение этой приметы, зато прекрасно помнила, как любила нежно касаться этой ямочки пальчиком, и как он при этом счастливо улыбался. У них были свои детские, а потом и взрослые секреты, неизвестные больше никому...

Марго пробежала глазами биографию Мудрова, но от растерянности почти ничего не поняла, усвоила лишь, что большую часть из тех тридцати лет, что они не виделись, он служил в Краснодарском крае, и споткнулась о традиционную заключительную фразу о семейном положении: «Женат, воспитывает двоих дочерей».

Она знала о том, что у Алекса две девочки, Володька Леонтьев говорил ей об этом, но строки официального сообщения почему-то особенно больно резанули по сердцу. А ведь у них с Лёшей тоже могла быть семья, и они вместе вырастили бы сына, может, даже и двоих. Но всего одна бездумная трагическая ночь изменила их судьбы и отняла первую любовь.

– Интересно, а как Алекс отреагировал бы на нашу встречу? – произнесла Маргарита вслух и испуганно оглянулась.

Нет, муж не мог её услышать, сегодня воскресенье, и он сидел за компьютером в своём кабинете.

Три десятка лет назад она делала всё возможное, чтобы вдруг случайно не пересечься с любимым парнем. Она старалась навещать своих родителей только в то время, когда Алекс никак не мог находиться дома. Когда мама с папой переехали в новую квартиру, и необходимость появляться во дворе, где прошло их с Алексом детство, отпала, она стала меньше тревожиться по поводу возможного столкновения. Позже узнала, что он покинул Омск. И вот, надо же, четверть века спустя так триумфально вернулся!

А ведь именно она, а не другая, могла сейчас быть женой генерала. Но для этого много лет назад надо было выйти замуж за парня, который не обещал тогда большого будущего. Интересно, какая у него жена? Марго знала, что Светлана на несколько лет моложе её, но хорошо ли она сохранилась? Володька говорил, что у Мудровых были сложные бытовые условия, им долго пришлось мотаться по чужим углам, и отдых на Чёрном море уже казался счастьем. Тогда как у них с Сергеем всегда была своя квартира, и за границей они отдыхали постоянно. Но если бы они с Лёшей в юности поженились, в их семье всё могло быть легче и проще, чем у него с женой...

Впрочем, что об этом теперь думать? Как любит говорить её муж, история не имеет сослагательного наклонения. Что случилось – то случилось. И пусть она не имеет собственного статуса и как профессионал не состоялась, зато – жена успешного и известного бизнесмена. Они живут в шикарном загородном доме, концепцию которого она придумала сама, а потом уже проект оформил архитектор. Особняк получился не помпезным и громоздким, как это было принято у многих знакомых из их круга, а уютным и красивым.

Марго немного успокоилась от мыслей, что всё у неё в жизни сложилось достойно, и вдруг почувствовала, что замёрзла. Она поплотнее завернулась в шёлковый китайский халат, поискала глазами, что бы накинуть на плечи, и потянулась к валяющемуся на кожаном диване широкому вязаному шарфу. Иногда она использовала его как палантин, что сделала и сейчас. Вышла в холл и оглядела себя в большом зеркале. Конечно, щека слегка помята от подушки, волосы взлохмачены с утра, но ведь свеженькая и стройная! К сорока восьми годам ей удалось

сохранить почти юношеский вес и молодость кожи. Положение в обществе требовало презентабельности, и муж не жалел денег на то, чтобы его жена выглядела ухоженной. Они с Сергеем часто бывали на банкетах, премьерах, презентациях, и он ею гордится. Может, даже ещё и любил, хотя уже не так, как в юности. Ну, что же, со временем все чувства, даже самые жгучие, притупляются. Она ведь и сама по большому счету никогда Сергея не любила. Зато у них ровные и добрые отношения, просто образцово-показательные!

Она ещё раз внимательно оглядела себя со всех сторон, приблизила лицо к зеркалу вплотную и прошептала:

– А глаза у меня всё такие же ярко-синие, как в детстве! Я бы снова понравилась тебе, Алекс!

«А был бы у нас сейчас с ним такой же бурный и сладкий секс, как тогда?» – вдруг подумалось Марго, и её снова бросило в жар. Не сумев в одиночку справиться с нахлынувшими эмоциями, она швырнула шарф на пуфик и отправилась в кабинет мужа. Зная, что ему не нравится, если она входит беззвучно и внезапно оказывается за его спиной, резко распахнула приоткрытую дверь и звонко спросила с порога:

– Серж, а ты слышал, что у нас новый начальник областной милиции?

– Конечно, – отозвался он, не отрывая глаза от монитора. – Президент ещё неделю назад подписал Указ о назначении.

– А ты не в шоке от того, *кто* это?

– А почему я должен быть в шоке? Немного неожиданно, конечно, но это не самое худшее, что могло случиться с областной милицией. В принципе, мне-то что? Я больше не служу никому, кроме как себе самому и своей семье. Надеюсь, и сын вскоре придёт к тому же знаменателю. А ты-то что так взволновалась, Маргоша?

– Я взволновалась? Вовсе нет. Просто интересно, как причудливо судьба порой тасует жизненную колоду, перемешивая и перемещая дам и королей.

– Лишь бы только козыри выпадали нам, а не кому-то другому! Тогда можно и поиграть.

– Если только в колоде не пять тузов.

Гибель от успеха Омск, октябрь 2004 г

Мудров вернулся в Омск в воскресенье утром и весь день занимался наведением порядка в выделенной ему двухкомнатной служебной квартире, раскладывая по шкафам личные вещи и хозяйственные мелочи. В который раз он обустривается на новом месте! Проще было, когда они делали это вместе с женой, и на её долю приходилась большая часть бытовых проблем, но сейчас придётся справляться одному.

Он закупил продукты с запасом на неделю и собирался наготовить на несколько дней вперёд, ведь с понедельника начнутся напряжённые дни, и неизвестно, будут ли время стоять у плиты, но потом всё же решил отправиться на ужин к родителям. Они не виделись несколько месяцев, и старики очень по нему скучали, да и сам он, сколько бы ни мотало по свету, всегда был рад оказаться в доме, в котором вырос.

Возвращаясь в одиннадцать вечера на такси в служебную квартиру, Алексей подумал, что зря продукты закупал. И как только не рассчитал, что мама непременно нагрузит с собой несколько пакетов с готовой едой? Впрочем, всё лишнее можно засунуть в морозилку. В ближайшее время ему будет не до ужинов. Надо проводить рабочие планёрки, вникать в криминальную ситуацию в области, знакомиться с коллективом и, возможно, проводить кадровые перестановки. Кстати, а не поставить ли Володьку Леонтьева начальником управления уголовного розыска? Что-то засиделся он в операх, давно пора подрасти по службе, толковый ведь парень, правильный.

Пообщаться с Владимиром удалось лишь в пятницу поздним вечером. Мудров уже собиравшись домой, но идя по длинному коридору главка, зацепился взглядом за табличку с фамилией друга на двери кабинета, повернул ручку двери и не ошибся – старший опер сидел за столом, склонившись над бумагами.

– Ну, привет, майор, – весело произнёс Алексей с порога.

– Привет, генерал-майор, – широко улыбнулся Владимир, поднимаясь и протягивая руку.

– Что тебе домой не идётся? Вера не ждёт?

– Она никогда не ждёт. Как явлюсь, так и рада. Если, конечно, рада. Ей же важен сам факт, что мужчина, приятный во всех отношениях, у неё имеется: бабу не колотит, кушать не просит, а деньги носит.

– Как у вас всё запущено, – рассмеялся Алексей, присаживаясь напротив. – Он понимал, что Володька утрирует, но всё же примерно верно описывает ситуацию, сложившуюся в его гражданском браке. – Но лучше так, чем наоборот. Я сегодня с утра у своего зама Воронова спрашиваю: «А где Свистунов? В списке сотрудников значится, а я его ещё ни разу не видел. Болеет, что ли»? А он мне отвечает: «Он в декретном отпуске. Жена у него работает, а он с ребёнком сидит». Вот это да, думаю! Хорош милиционер!

Я, конечно, всегда вхожу в положение подчинённых, но далеко не всё можно понять и принять. В моём понимании надёжный мужчина должен зарабатывать деньги, обеспечивать семью, детей, родителей, помогать родственникам. А когда жена работает, а муж сидит дома, готовит, стирает, полы моет, он становится прислугой при умной и хорошо зарабатывающей женщине. Это же нонсенс. Какой из него на службе специалист?

– Это точно, – улыбнулся Владимир. – Я уж лучше работать буду, чем полы драить и щи варить. Как твои девочки? Светочка как?

– Нормально. Трудятся, учатся, скучают. А ты чего такой деловой, и озадаченный на ночь глядя?

– Да есть тут у меня одна идея... Только разговор долгий. Если есть время, расскажу.

– Есть, конечно. Рассказывай.

Леонтьев достал из пачки сигарету, потянулся за зажигалкой и вопросительно посмотрел на Мудрова.

– Кури уж, – разрешил Алексей. – Будем считать, что начальство уже покинуло здание.

– В общем, так. Создаётся у меня впечатление, что в последние пару-тройку лет кто-то целенаправленно мочит успешных бизнесменов. Да так успешно мочит, что не подкопаться.

– Что значит, не подкопаться? Ты имеешь в виду, это серия? Почему мне никто не говорил об этом ни в Москве, ни в главке?

– Потому что никто не хочет видеть того, что вижу я. Всем так удобнее. Воронов вообще запретил моему шефу копать в этом направлении. Так что занимаюсь сам, на свой страх и риск.

Владимир достал из тумбочки стола начатую бутылку коньяка и два стакана, плеснул в каждый грамм по сто, и один придвинул Алексею:

– Давай, за нас!

Мудров отпил глоток, а Леонтьев опрокинул содержимое стакана целиком и принялся чистить мандарин. Генерал-майор вздохнул. Он знал, что друг – опер от Бога, но спиртное ему требуется, как телефону зарядное устройство. Такая вот «творческая» у него натура! Не выпьет хоть немного – не сможет напряжённо думать. А много выпьет – никто и не догадается, сколько именно он принял на грудь. Мудров никогда не видел друга пьяным.

– В общем, так. Я тут мысленно объединил целый ряд дел в одно целое.

– И что у них общего? Почерк преступника?

– В том-то и дело, что ничего общего, кроме того, что один за другим трагически погибают или бесследно исчезают молодые, и не очень молодые, руководители крупных фирм, и не очень крупных – тоже. А почерк здесь заключается в отсутствии всякого почерка. Один бизнесмен попал в нелепую аварию со смертельным исходом, свалился на машине в пропасть на горной дороге. Другой в самом расцвете сил внезапно скончался от сердечного приступа, третьего застрелила жена из ревности, четвёртый отправился на рыбалку и словно испарился... Могу очень долго список продолжать.

– Если все типы убийств и несчастных случаев кардинально разнятся, то что конкретно тебя настораживает?

– Статистика. Лихие девяностые, когда все подряд мочили всех кого ни попадя, мы уже пережили. Бизнес в основном легализовался, сферы интересов поделены. А тут напрашивается вывод о заказных убийствах, чего у нас давненько не случалось.

– В каждом убийстве надо искать, кому это выгодно, – заметил Алексей, и веря Владимиру, и не веря.

Тот плеснул себе ещё коньяка, выпил махом и продолжил:

– В то-то и дело, что деловой человек – не уборщица баба Маша, смерть которой вряд ли кому-то важна, хотя и такое порой вполне может произойти. У каждого бизнесмена, как правило, ряд злобных конкурентов и голодных наследников. Я пытался обнаружить лицо, заинтересованное в целом ряде этих подозрительных смертей, но не нашёл. В каждом конкретном случае подозреваемые или из числа близких и знакомых погибшего, или их нет вовсе... Понимаю, что говорю абстрактно, но сейчас приведу пару примеров, и ты меня поймёшь.

Алексей поудобнее устроился в кресле и приготовился слушать.

– Представь, прошлой весной компания из шести мужиков на двух джипах отправляется на охоту и рыбалку в Тюкалинский район.

– Это же более чем в ста километрах от Омска.

– Если быть точными, то сто тридцать семь по Московскому тракту. Там сейчас действует несколько обществ охотников и рыболовов, и, соответственно, располагается ряд охотбаз с домиками, банями, пунктами проката, ну и так далее. Карп там водится, карась, судак, сазан, утки, гуси и другая живность. Так вот, приехали молодые мужики компанией, стреляли,

лодки напрокат брали, рыбачили, уху варили, выпивали. Всё как водится. К середине следующего дня становится ясно, что один из друзей, директор небольшой, но стабильно развивающейся фирмы по производству металлопластиковых окон, исчез вместе со снастями и ружьишком. Парню было тридцать четыре года, вот-вот собирался жениться. Эта поездка считалась как бы своеобразным мальчишником... До сих пор ищут.

Владимир закурил ещё одну сигарету и продолжил:

– А как там искать, если и лес имеется, и водоёмов в районе более шестисот? Картину происшедшего за сутки в полной мере тоже не представляется возможным восстановить. Все тусовались, бродили туда-сюда по окрестностям, сидели своими компаниями, примыкали к чужим. Кто рыбачит, кто в домике отсыпается. Да ещё одеты все практически одинаково – резиновые сапоги, камуфляж, дождевики с капюшонами. В те дни то и дело дождик накрапывал, кругом грязь, никаких следов установить невозможно. Девки какие-то на базе ночью были – к утру исчезли, никто их не переписывал... Вот тебе и история.

– Значит, парень был не женат? А конкуренты у фирмы были?

– Есть у него компаньон, которому смерть исчезнувшего могла быть выгодной. Опрашивали коллег по работе, шепнули также, что компаньон этот на невесту друга заглядывался, хотя сам женат. Но он-то как раз на рыбалку и не поехал. Приболел, остался дома, жена и тёща подтвердили его алиби, да и на охотбазах его никто не видел. Вот и думай: кто парня убил? Не очень-то я верю в несчастный случай, после которого ни тела нет, ни ружья.

– Да, дело дрянь, – согласился Алексей. – Ещё что-нибудь в таком же роде?

– В другом. Уже этим летом звонит в милицию жена владельца фирмы по продаже недвижимости Ивана Наветова, дескать: приезжайте, я мужа застрелила. Приехала, как положено, оперативно-следственная группа. В спальне труп мужчины сорока пяти лет. Застрелен из собственного пистолета через подушку. В сердце. Начинаем разбираться. Новоиспечённая вдова показывает пикантные фото, на котором её муж запечатлён с какой-то девицей. Ясно, что снимки сделаны с видеокамеры. Неясно всё остальное. Например, где дело происходило? Видна только самая обычная двуспальная кровать с самими стандартными простынями. Всё. Гостиница ли это, квартира, или комната отдыха в сауне? Кто установил видеокамеру и распечатал потом фотографии? Кто эта девица? Лицо Наветова видно чётко и легко узнаваемо, она же вся завешена собственными длинными светлыми волосами. А её ли это вообще волосы, или парик?

– Ну, девица, наверное, в данном случае не так важна. Важен сам факт измены, – отметил Мудров.

– Пусть так. Теперь о жене бизнесмена. Родственники и знакомые характеризуют её как женщину неэмоциональную и смирившуюся с положением обманутой жены. О том, что её муж гуляет направо и налево, как с постоянными любовницами, так и с одноразовыми девицами, знали все, и жена в том числе. Она была тихим семейным алкоголиком. Днём таскалась по магазинам и занималась домашними делами, вечером попивала дорогой виски. Её сестра показала, что женщина и заснуть не могла, пока не выпьет грамм двести, а то и все триста. Накануне они разговаривали по телефону, и к девяти вечера подозреваемая была изрядно пьяна. А тут вдруг раз – посреди ночи проснулась, отправилась в спальню мужа (они спят отдельно) и спойненько застрелила его из ревности! Ладно бы ещё во время ссоры, в состоянии аффекта, но нет. А потом она ещё немного выпила и снова к себе в комнату отправилась, чтобы дальше спать по соседству с трупом. Милицию решила вызвать почему-то только в одиннадцать часов утра. Логично, не правда ли? Меж тем, следы пороховых газов на её руках и домашней одежде имелись, а замки в квартире открывались только своим ключом. Вот вам и обвиняемая!

– Дети у них есть? – уточнил Алексей.

– Один сын, студент. Парень проблемный, баловался наркотиками, лечился в закрытой клинике. На момент убийства отца вроде бы находился в состоянии ремиссии, гостил

у бабушки в Знаменском, куда уехал накануне вечером на автобусе. Бабушка подтвердила, что внук ночевал у неё. Вот и получается, что стреляла в директора фирмы жена, больше никому. Но как-то не вяжется образ тихой пьющей домохозяйки с хладнокровным убийством. Особенно тот факт, что в четыре утра она застрелила человека, в девять затеяла дома уборку, а в одиннадцать позвонила в милицию. Видимо, труп мешал ей прибраться в спальне!

– Надо было потрогать рукой коврик, – рассмеялся Мудров.

– Какой коврик?

– Запомнилась мне похожая история из личной практики. В сентябре восемьдесят четвёртого года, когда я трудился начальником уголовного розыска в Абинске, было совершено убийство в частном доме, и мы поехали. И видим такую картину. Лежит бабушка посередине двора с рублеными ранами головы и плеча, а бабушка в платочке ходит по двору. Спрашиваем, что случилось.

– Да я не знаю, – говорит старушка, божий одуванчик, – мы вчера посидели, поужинали, муж потом пошёл в летнюю кухню. Бывало, он там и оставался, и спал. Я его больше не видела. А утром встала, вышла, смотрю – а он лежит посередине двора окровавленный.

Вошли в летнюю кухню, потом в хату. Всё чистенько убрано. А бабушка росточком невелика, с виду хрупкая такая, но в прошлом участница Великой Отечественной войны, была медсестрой на фронте, таскала на себе раненых с поля боя. Меня тогда сильно удивило, что нигде ни пылинки, будто только что сделали генеральную уборку.

– А где он спал? – спрашиваю.

– Вот на этой кровати.

Я наклонился над покрывалом и случайно коснулся рукой плюшевого коврика. Помнишь, были такие в моде, с оленями? Раз – а он сырой! А почему сырой-то?

– Бабушка, – говорю, – давайте-ка, наверное, будем рассказывать.

– Ну что же, сынок, буду рассказывать. Это я его... Муж мой пил, постоянно ругал меня, бил. Я терпела, терпела. Вчера он в очередной раз напился, буянил, синяков мне наставил. Потом заснул. А я взяла топорик и зарубила его. Вынесла тело на улицу, всё в доме вымыла. Кровь на коврик брызнула – я и её отмыла.

– Посадили бабушку? – вздохнул Владимир.

– Арестовали на период следствия, полгода она отсидела до суда. Судья дал пять условно, учитывая, что она ветеран войны. Приняли во внимание и показания соседей, рассказавших, что муж постоянно над старушкой издевался, бил. На её теле после ареста были зафиксированы синяки. И всё равно это было умышленное убийство. Хотя, не коснись я тогда рукой коврика, может, мы бы его и не раскрыли. Так что жёны бывают разные и убивают не только в состоянии аффекта, но и вполне хладнокровно... Могла и эта жена бизнесмена терпеть-терпеть его измены, а потом однажды взять да застрелить его посреди ночи.

– Я бы тоже так подумал. Если бы не статистика, – упрямо заявил Леонтьев. Уж слишком много деловых людей отправилось по тем или иным причинам на тот свет за последние два года.

– Ладно, Володя, ты копай дальше, собирай сведения. Держи меня в курсе, а я домой поехал. Ты-то сам собираешься?

– Нет, останусь сегодня в кабинете. Хочу ещё пару дел полистать.

Алексей ехал в свою квартиру и думал, что погорячился с идеей о назначении Владимира на должность начальника уголовного розыска. Конечно, друг умён и проницателен, до всего докопается, но лидерские качества у него начисто отсутствуют. Станет руководителем, так же будет днями бегать по местам преступлений и полуночничать над делами в кабинете, а работу коллектива организовать не сумеет. Ему же важно: сам, всё сам. Ну, что же, пусть лучше у него в управлении будет хороший опер, чем плохой начальник отдела.

Знать бы тогда, что в ближайшие полгода этот хороший опер такого накопает, что в области придётся вводить план «Перехват».

Все хотят в милицию Омск, 1964—1972 гг

Алексей Мудров родился поздней осенью тысяча девятьсот пятьдесят пятого года. В Омске тогда стояли суровые морозы, это была уже настоящая зима, снежная, с вьюгами, метелями. Начинаясь она в середине сентября и заканчивалась в мае ледоходом по великой реке Иртыш. Много лет спустя отец шутил, что мама не дотянула семь дней до праздника Советской милиции, и если бы знать заранее, что сын станет милиционером, потерпели бы до десятого ноября, чтобы будущий генерал родился в свой профессиональный праздник.

Мальчику исполнилось девять лет, когда его семья переехала из деревянного дома, отапливаемого дровами, в благоустроенную двухкомнатную квартиру. Мама вступила в кооператив и двадцать пять лет выплачивала за это жильё по семнадцать рублей ежемесячно. В микрорайон, где выросли кирпичные пятиэтажные и девятиэтажные дома, переехали люди со всех концов города. Сразу же после заселения в новую квартиру мальчик познакомился с двумя ребятами-одногодками, Владимиром Леонтьевым и Сергеем Скворцовым. Вместе ходили в школу, занимались хоккеем, баскетболом, волейболом. Вскоре к тройке друзей прибилась одноклассница Маргарита, ставшая неразлучной спутницей мальчишек и соучастницей всех их детских проказ.

– Вы прямо как три мушкетёра и Миледи, – рассмеялась как-то мама и с лукавством в голосе спросила: – Ты часом в Риту не влюбился?

– Мы все в неё влюбились: и я, и Серёжка, и Володька, – совершенно серьёзно ответил третьеклассник.

Он не понял, почему мама вдруг рассеялась. А кто такие мушкетёры и Миледи, мальчик ещё не знал. Книги Дюма-старшего они с друзьями начали читать только в седьмом классе.

В семье Сергея Скворцова всё новое, что входило в обиход советских людей, в том числе и в плане техники, появлялось раньше, чем у его друзей. Им было по тринадцать лет, когда он заговорщически позвал друзей после школы к себе в гости, пообещав устроить им сюрприз. И сюрприз удался. На полированной тумбочке в зале красовался новенький телевизор.

– Цветной что ли? – предвосхитила торжественное событие Рита.

– Цветной, – отозвался Сергей, поворотом тумблера включил чудо-ящик, который Алексей до этого момента видел только в Центральном городском универмаге на улице Ленина, и гордо добавил: – Семьсот рублей стоит!

Для рядовой советской семьи это были существенные деньги. Сумма составляла несколько зарплат высокооплачиваемых сотрудников, а если человек трудился за минимальный оклад – то за целых десять месяцев. Алексей сразу же решил дня себя: «Пойду работать, тоже куплю себе такой телевизор. А, может, к тому времени они будут побольше размером, вот самый большой и куплю!».

На экране шла музыкальная программа, и Рита вдруг сказала:

– А мама говорит, что от цветных телевизоров бывает рак!

– Да ну, – возразил Сергей. – Они только появились в продаже, многие их ещё в глаза не видели, и уже сразу – рак?

– Мама лучше знает, она врач, – стояла на своём Ритка.

– Рак это наследственное заболевание, – с горечью произнёс Володя. – Вот мой дед от рака умер, а теперь и у отца тоже обнаружили.

– Извини, – сказала Рита, запоздало сообразив, что затронула болезную тему для друга, отцу которого недавно поставили страшный диагноз.

В недолгое для Омска тёплое время года школьники почти всё свободное время проводили на улице. В сильные холода, когда не посидишь на лавочке и во дворе не побегаешь, друзья ходили на спортивные тренировки, играли в хоккей, шумели в подъездах и иногда собирались у Скворцовых. Сергей был единственным из них, кто и не имел братьев и сестёр и жил в трёхкомнатной квартире, в которой чаще всего находился один. У всех детей родители возвращались после семи часов вечера, но отец Сергея, партийный работник, зачастую засиживался в райкоме допоздна, а мать по вечерам навещала многочисленных подруг или встречалась с нужными людьми. Тем не менее, в квартире всегда царил идеальный порядок, а холодильник был забит не только такими деликатесами, как сырокопченая колбаса, красная икра и грильяж в шоколаде, но и домашними обедами – супами, борщами, котлетами.

– Когда твоя мама успевает так много готовить? – спросила как-то Рита, – подогревая для вечно голодной школьной компании мясо, тушёное с овощами.

– А она и не готовит, – ответил Сергей. – К нам через день приходит женщина, которая занимается уборкой, стиркой и готовкой.

– Так у вас есть домработница? – изумлённо уточнил Володя.

– Ну, вроде того. Помощница по дому.

Для ребят такое положение дел было в диковинку. В их семьях мамы сами и в очередях стояли, и пельмени лепили, и варенье варили, и овощи в банки закручивали. Бабушки, которые могли бы помочь, жили далеко. А для детей главными деликатесами были намоченный в воде белый хлеб, присыпанный сахаром, или чёрный – натёртый чесноком и с кусочком сала. Они умели сами жарить гренки, грызли сухой кисель и поедали ложками варёную сгущёнку. На еде никто не заикливался, но всё же ежедневное изобилие и разнообразие продуктов в семье Скворцовых, какое в других домах случалось лишь по праздникам, поражало детское воображение. Тогда они ещё не понимали, что папа Сергея затаривается в специальных «распределителях», да и мама, заведующая мебельным складом, имеет отношение к дефициту.

Сережа гордился родителями, скорее, их возможностями. А Лёша гордился старшим братом. У Риты и Володи подрастали младшие сестрёнки-первоклашки Оля и Галя, которые вместе ходили в школу и обратно и были младше друзей на семь лет. А брат Анатолий был на семь лет старше Алексея и оказывал на воспитание подростка заметное влияние. Каждый день в шесть часов утра, вне зависимости от погоды, они отправлялись на пробежку по Иртышской набережной. Даже в лютые морозы одевались в лёгкие куртки, и ведь никогда не болели! После получасовой пробежки Толик отправлялся в институт, а Алексей в школу. Старший брат, чемпион города по боксу, привёл за собой в секцию и младшего.

С подачи Анатолия школьник определился и с выбором профессии, решив в седьмом классе стать милиционером. Причём, брат учился в политехническом институте, но вместе с ним в секции бокса занимались слушатели Омской высшей школы милиции. После тренировок они часто приходили к другу домой. Красивая форма, подтянутость, мужественность этих парней не могли не вызывать восхищения у четырнадцатилетнего подростка. А разговоры о раскрытии преступлений, задержании преступников, предотвращении краж и драк будоражили воображение.

В то же время Алексей записался в библиотеку и, помимо обширной школьной программы, начал запоем читать книги приключенческого жанра и детективы. Он брал по пятнадцать книг на десять дней и до самого окончания десятого класса самозабвенно поглощал произведения художественной литературы с уклоном на приключения и подвиги: от «Айвенго» Вальтера Скотта до «Записок следователя» Льва Шейнина.

После прочтения Алексей передавал книги друзьям, и ребята менялись ими друг с другом, обсуждая подвиги героев. Как и все мальчишки того времени, чьё детство всё ещё можно было называть послевоенным, в начальных классах они ещё играли в «войнушку». Делились на «фашистов» и «наших» и бегали по гаражам и возле них, паля друг в друга из вырезан-

ных из дерева пистолетов и автоматов. А потом пошли игры в воров и оперов. Друзья Алексея, заражённые его энтузиазмом борьбы с преступностью, вслед за ним загорелись желанием выбрать ту же стезю.

– Я тоже буду с вами поступать в школу милиции, – заявила однажды и Рита.

– Ты что, туда же девчонок не принимают, – возразил Володя.

– А, может, к тому времени, когда мы окончим школу, уже будут принимать, – возразила она. – Женщина уже даже в космос летала. А тут подумаешь – милиция!

В этом же году родители Алексея развелись. Он так никогда и не узнал, в чём была причина их расставания. Скандалов в доме не было, по крайней мере, он не помнил, чтобы родители повышали друг на друга голос. Но однажды весенним вечером отец вдруг сказал:

– Сынок, я завтра уеду на Кубань, к тётке Кате.

– Ух ты, здорово! Надолго?

– Надолго.

– А мы к вам с мамой приедем летом на каникулы?

– Ты уже большой парень, можешь и сам приехать.

Когда на следующий день Алексей вернулся из школы, главы семейства в доме уже не было, как и его вещей. Обиды на отца, покинувшего семью, у подростка не возникло. Тот, хоть и уехал, но исправно платил алименты и никогда не прерывал связи с семьёй, поэтому не возникало ощущения, что он их бросил. Каждое лето Алексей ездил на каникулы к сестре отца в кубанскую станицу, куда перебрался отец, и безотцовщиной себя не чувствовал. Не было и детской обиды, наоборот, сначала даже какая-то радость вспыхнула: без жёсткой отцовской руки строгого контроля будет меньше, стало быть, жизнь станет вольготнее!

Однако это предвкушение вседозволенности мама быстро притупила, напомнив о правилах семейного распорядка: в десять вечера школьник должен быть дома. Старшему брату, которому к тому времени исполнилось двадцать лет, дозволялось погулять подольше. Для Алексея же покатались обычные серые будни: в шесть утра подъём, пробежка, школа, уроки, встречи с друзьями, а в десять вечера домой.

* * * * *

К пятнадцати годам подростки заметно вытянулись и повзрослели, а Ритка всё ещё оставалась маленькой девчонкой с короткой стрижкой и мальчишескими замашками. Она по-прежнему бегала с ними в кино после уроков или во время «прогульных» часов и сама предлагала всем троим друзьям списать у неё домашнее задание, если кто-то из них не успел его сделать. Всё изменилось тем летом, когда они перешли в девятый класс.

Сразу после выпускных экзаменов Рита улетела на каникулы к маминной сестре на Сахалин, а вернулась буквально перед первым сентябрём, и Алексей увидел её только на торжественной линейке в школьном дворе. Увидел – и замер на несколько мгновений, поражённый произошедшей с ней за три месяца метаморфозой. Из «своего парня» Рита вдруг превратилась во взрослую девушку. Она загорела, подросла и пополнила, овал лица и формы тела округлились, под белой школьной блузкой обозначилась грудь, а подростские волосы были скреплены по бокам разноцветными заколками.

Лёша перевёл глаза на Сергея, и только собрался сказать нечто в стиле: «Смотри-ка, Ритка-то...», но по задумчиво-восхищённому взгляду друга понял, что тот и сам оценил перемены, произошедшие с одноклассницей. Алексей испытал нечто вроде укола ревности и тут же по-взрослому твёрдо решил: «Она будет моя!».

Когда они после классного часа собрались в квартире Скворцовых, Рита долго и восхищённо рассказывала о Южно-Сахалинске, где служил муж её тётки, и окрестностях города. Дескать, Охотское море тёплое, она купалась в нём и загорала на песчаном острове. А ещё там

во всём гигантизм – огурцы, помидоры, лопухи – такие огромные, и вкус у овощей и молока совершенно необыкновенный, не как у нас.

«И сама ты на этом гигантизме выросла во все стороны», – подумалось Лёше.

– Ты всё так же хочешь работать в милиции? – спросил у Риты Сергей.

– Я-то хочу, да ведь скоро это не получится. Я узнавала, чтобы поступить на юридический факультет, надо или в армии отслужить, или рабочий стаж иметь, два года. Так что поступлю, как моя мама Оля, в медицинский институт, а когда вас сразят бандитские пули, буду спасать ваши жизни и раны зашивать.

– А почему нас непременно должны ранить? – недоуменно спросил Сергей.

– А почему бы и нет? Могут даже и убить, – мрачным голосом предрёк Володя.

– Но в медицинский надо сдавать химию и биологию, а ты эти предметы не любишь. Ты же гуманитарий, – заметил Алексей.

– Ладно, посмотрим, ещё два года впереди, есть время определиться, – легкомысленно закрыла тему Рита, закинув ногу за ногу так, что плиссированная юбочка задралась выше, чем положено, и стала видна застёжка на капроновых чулочках.

– А я научился играть на гитаре, – похвастался Лёша, отводя взгляд от её ног. – Сейчас сбегая за ней домой, и можем спеть что-нибудь.

И они пели «Плывут туманы белые, с моей тоской не знаются», и «Милая моя, солнышко лесное, где, в каких краях встретимся с тобою», и «Никуда не деться, годы не вернуть, покидает детство всех когда-нибудь».

В декабре Рита впервые официально пригласила друзей на свой день рождения. Они и раньше заходили друг к другу на чай с тортиком по случаю именин и дарили пирожные, блокноты, книги, мячики. В восьмом классе на двадцать третье февраля одноклассница торжественно вручила мальчишкам игрушечные кортики и получила в ответ на восьмое марта прибор для черчения, на который они скинулись по рублю.

Но тут случай был особый. Рите исполнилось шестнадцать лет, вскоре она должна была получить паспорт, и её родители готовились накрыть по этому поводу «взрослый» стол. Алексей долго пребывал в раздумьях, и так ничего путного не придумав, спросил у мамы, что подарить девушке на день рождения, чтобы она обрадовалась? Мама поставила табурет к антресолям и достала оттуда яркий платок, синий, с красными розами.

– Но ведь Ритка платки не носит, только шапки, – растерянно возразил Алексей, перебирая в руках шелковистую на ощупь материю.

– Это потому, что у неё такого красивого платочка не было, – возразила мама. – А теперь будет носить.

Когда Лёша вручил девушке завёрнутый в пергаментную бумагу подарок, она прямо в прихожей развернула свёрток, встряхнула платок и сразу же повязала вокруг головы. Синий цвет очень шел к её бирюзовым глазам и светлым волосам. Платок придавал девочке взрослости и женственности. Рита благодарила и улыбалась своему отражению в настенном зеркале. И тут раздался звонок в дверь. На пороге стоял Сергей с голубой коробочкой в руках.

– Это же «Клима», – с детским восторгом взвизгнула Рита и выхватила из рук друга коробочку, не дожидаясь, пока он сам её отдаст.

Алексей с огорчением отметил, что французским духам девушка обрадовалась больше, чем шёлковому платку, но тут же успокоил себя тем, что духи скоро закончатся, а платок – это надолго.

Следом за Сергеем вошёл Володя с сиреневым цветком в глиняном горшочке, а из комнаты раздался голос Ритиной мамы:

– Молодёжь, хватит уже в коридоре толпиться, проходите в зал!

Во главе накрытого стола восседала сухопарая седовласая женщина в строгом сером платье с белым кружевным воротничком, и Алексей догадался, что это Риткина бабушка Саша, о которой девочка много рассказывала, но которую никто ещё не видел.

– Маргарита, а где же твои подружки? – спросила Александра Ивановна.

– А это мы и есть, – широко улыбнулся Володя и вручил бабушке горшочек с цветком.

Позже Рита рассказала друзьям, что мама устроила ей через знакомых прописку в бабушкиной трёхкомнатной квартире, чтобы «в случае чего» квартира не отошла государству.

– О, так ты у нас богатая невеста, – рассмеялся Сергей.

– Эту квартиру мой дедушка в своё время получил на всю семью, он у меня был чекист, а потом воевал и рано умер от ран, – с гордостью произнесла Рита.

А Лёша подумал, что его отец тоже воевал, был ранен и контужен, только квартиру ему не дали. Пришлось вступать в кооператив, а маме сейчас тяжело выплачивать взносы. А ещё он подумал, что какая бы ни была богатая невеста, мужчина не может себе позволить жить в квартире, которая принадлежит его жене. Мужчина сам должен заработать на жильё для своей любимой.

В десятом классе Алексей устроился дворником в домоуправление, получал семьдесят рублей в месяц и всю зарплату отдавал маме. Его друзья и одноклассники, живущие по-соседству, видели, как парень летом выходил во двор с метлой и лопатой, а зимой долбил ломом лёд, образовавшийся после снежного наста. Но он не стеснялся своей работы, сейчас одна – потом будет другая, главное он помогает семье.

Однако, мечтая о работе в милиции и учась на четвёрки и пятёрки, Алексей в старших классах отличался настолько своевольным и хулиганистым поведением, что его несколько раз даже исключали из школы. Директор был принципиален и строг, и если ученик опаздывал на урок хотя бы на пять минут, до занятий он не допускался. И тогда опоздавшие объединялись в группу и отправлялись в кино. В школу возвращались к только третьему уроку, множа количество прогулов. На проказы старшеклассник тоже был мастак: то умудрился разбить школьное окно футбольным мячом, то пририсовал усы медалистам, чьи фотографии вывешены на Доске почёта, и потому до десятого класса так и не вступил в комсомол.

Буквально за месяц до окончания школы Алексей осознал, что его мечта о поступлении в школу милиции под угрозой, и с большим трудом влился в ряды ВЛКСМ. Его не хотели принимать, но парень сумел убедить руководителей школьной комсомольской организации в том, что без членства в комсомоле ему никак не стать милиционером, и ему пошли навстречу.

На экзамены в школу милиции Алексей, Владимир и Сергей ходили вместе и благополучно сдали историю, английский язык, русский язык и литературу, написали сочинения. Однако двое друзей были зачислены, а Алексей не прошёл по конкурсу мандатной комиссии, не хватило одного бала до проходного.

Генерал, председатель комиссии, сказал:

– Сынок, ничего страшного. Подучи предметы, поступишь на следующий год.

Но Алексей понимал, что это невозможно. Через восемь месяцев, будущей весной, его призовут служить в армию. Когда расстроенный парень вышел из аудитории, он столкнулся с подполковником, преподавшим на втором курсе. Тот посоветовал парню отслужить в армии, вступить в партию, и тогда, уже на льготных основаниях, снова подать документы в школу милиции.

Два плюс два Омск, 1973—1974 гг

Алексей съездил в гости к тете Кате на Кубань, проведя в кубанской станице свои последние каникулы, а вернувшись в Омск, пошёл устраиваться на работу слесарем-сборщиком на завод, где в своё время работал бухгалтером его отец.

Рита, с восторгом смотревшая с друзьями первые серии кинофильма «Следствие ведут знатоки», всё же сознавала, что милиционером ей никак не стать, и пошла по пути наименьшего сопротивления. Она поступила на филологический факультет пединститута и переехала к бабушке, которая жила в центре города, часто болела и требовала постоянного ухода. В доме родителей девушка появлялась теперь нечасто. А Сергея и Владимира из школы милиции отпускали лишь на выходные, да и то не всегда.

Так и распалась неразлучная «четвёрка». Алексей сильно переживал по поводу того, что не поступил с первой попытки в вуз. Его школьные друзья с гордостью носили форму и с юношеским восторгом рассказывали о школе милиции. Он радовался за них, но огорчился, что для него самого учёба откладывалась на целых три года. Сергей и Володя будут уже на четвёртом курсе, когда он вернётся из армии.

Грустил Алексей и о Маргарите. Теперь она жила далеко, днём ходила на лекции, а вечерами сидела с бабушкой. Иногда он звонил ей просто пообщаться, пару раз приглашал в кино, но она отказывалась, ссылаясь на занятость. Парень отдавал себе отчёт в том, что Риту он любит, и уже не по-детски, как и в том, что она не отвечает ему взаимностью. На выпускном вечере одноклассница в белом атласном платье в пол, с открытыми плечами, на которые была наброшена гипюровая накидка, казалась сказочно красивой. Она охотно принимала предложения потанцевать и от Алексея, и от Сергея, а на белый танец пригласила Владимира, который увлёкся шампанским и вообще не танцевал. Она совершенно не делала разницы между друзьями и не отдавала никому из них предпочтения: ни смотрящим на неё влюблёнными глазами Алексею и Сергею, ни проявляющему полное равнодушие к её женским чарам Владимиру. Домой они вернулись вчетвером под утро и сразу же разошлись по своим квартирам. Алексей много раз представлял себе, что после выпускного бала на рассвете признается девушке в любви, но в тот день этот поступок казался ему нелепым и неуместным.

Пятого декабря, когда Маргарите исполнилось восемнадцать лет, Алексей приехал к дому её бабушки и позвонил из автомата. Рита вышла из подъезда в наброшенной на домашний костюмчик шубке, приняла из его рук букет белых гвоздик и сказала:

– Какое чудо! Спасибо огромное! Извини, я не могу тебя пригласить в гости. У бабушки опять резко подскочило давление, мама приехала сделать ей укол.

Рита чмокнула его в щёку и побежала обратно.

Ещё через несколько дней Александра Ивановна умерла во сне. Алексей звонил Рите, предлагал свою помощь, но та сквозь слёзы отчаянно убеждала, что на похороны приходить не надо. Дескать, родители со всеми хлопотами справятся сами, а она не хочет сейчас видеть никого из друзей, и чтобы они её видели в таком состоянии – тоже не хочет.

Лёша сочувствовал Ритиному горю, но при этом с невольным удовлетворением осознавал, что теперь она будет свободна по вечерам и, возможно, будет иногда проводить их с ним. Так и получилось. Он стал часто звонить девушке, приглашая то в кино, то на концерт, и она принимала его предложения. Несколько раз они целовались на прощание в подъезде, но Рита быстро отстранялась и убегала вверх по лестнице, а домой она его никогда не звала.

Алексею очень хотелось встретить Новый год с любимой девушкой вдвоём, но он понимал, такое стечение обстоятельств маловероятно. Спросил, где она собирается провести новогоднюю ночь, и Рита с недоумением в голосе ответила:

– Дома, конечно, с родителями и сестрой. Где же ещё?

– Я тоже – дома. С мамой. Толя уходит к друзьям.

Но ближе к обеду тридцать первого декабря позвонил Сергей и радостно-возбуждённым голосом сообщил:

– Нас с Володькой уже отпустили! Как ты смотришь на то, чтобы Новый год отметить у меня? Родители уйдут в кампанию, хата свободная. Соберёмся вчетвером, как в старые добрые времена!

Конечно, Алексей был за, но не был уверен в том, что Маргарита к ним присоединится. Однако она пришла в одиннадцать вечера со сладким пирогом, когда парни уже пили пиво за накрытым домработницей Скворцовых столом. Когда прозвучал дверной звонок, Сергей бросился в прихожую открывать дверь. Вышли встречать гостью и Алексей с Владимиром.

– Марго, ты всё хорошеешь, – сказал Сергей, обнимая девушку, которая пришла без верхней одежды в ярко-синем платье.

Но Мудров уже не ревновал её к другу. «Ты через пару дней вернёшься в свою казарму, а мы будем встречаться, – мысленно сказал он Сергею. – И можешь сколько угодно хвастаться своими настоящими американскими джинсами, она всё равно выбрала меня».

В ту ночь, словно по мановению волшебной палочки, они снова превратились в детей. Вспоминали школьные годы и свои проказы, шутили и смеялись, смотрели «Новогодний огонёк», пили шампанское и пели под гитару. Знать бы тогда, что все вчетвером они собрались в последний раз, и больше этого никогда не повторится!

По своим квартирам друзья разошлись только под утро, после того как позвонила мама Сергея и предупредила, что они с отцом возвращаются домой. Алексей поспал несколько часов и вышел на пробежку по набережной. Возвращаясь к дому, увидел выходящую из подъезда Риту, в её руках были две увесистые матерчатые сумки.

– Вот, родители провиантом загрузили, – вместо приветствия пожаловалась она. – Вчера наготовили как на Маланьину свадьбу, а мне теперь всё это тащить, будто сама я ничего не куплю и приготовить не сумею.

– И как ты это всё потащишь? – посочувствовал Алексей и предложил: – Подожди меня пару минут на лавочке, я сейчас, мигом переоденусь и провожу тебя, помогу твой провиант донести.

Они добрались до Ритино дома на троллейбусе, он донёс сумки до самой квартиры и поставил их у порога.

– Заходи уже, – милостиво разрешила девушка, открывая дубовую дверь ключом, – посмотришь, как я живу.

Так он впервые попал в квартиру, полученную в своё время Ритиным дедушкой-чекистом, и в первую очередь поразился высоченным потолкам, прикинув, что это жильё можно сделать двухэтажным, по крайней мере, двухъярусным. Мебель в гостиной стояла массивная, резная, советская, но сделанная на века в то время, когда ещё не началась массовая застройка страны малогабаритными хрущёбками, которые заставляли однотипными непрочными сервантами и «стенками» из опилок. Удивила и большая библиотека в комнате, именуемой кабинетом, – сотни томов на уходящих под потолок полках, и среди них собрания сочинений Маркса, Ленина и Сталина.

Маргарита прошла в спальню, переделалась из праздничного платья в байковый синий халат, (это явно был её любимый цвет), и сразу стала такой домашней и уютной, что у него защемило сердце от нежности к ней и радости оттого, что они оказались вдвоём в такой непринуждённой обстановке.

– Ты после пробежки, наверное, голодный? – заботливо спросила Рита.

В этом момент Мудров меньше всего думал о еде, но и уходить не хотелось, и потому согласился:

– А давай чего-нибудь съедим!

И они принялись вместе вытаскивать из принесённых сумок трёхлитровую стеклянную банку с борщом, двухлитровую с маринованными помидорами, литровую – с оливье, а ещё завернутые в пергаментную бумагу домашние котлеты, колбасу и сало.

– Ух ты, мне и бутылку шампанского придарили, – удивилась Рита родительской щедрости. – Это, наверное, на тот случай, если гости ко мне придут.

– Так они уже пришли.

– Значит, открывай, – протянула она ему бутылку и пошла в зал за бокалами.

– Похмеляться будем? – счастливо рассмеялся Алексей

– Ну, для опохмелки мы вчера не слишком много выпили, а раз в год можно позволить себе расслабиться даже днём.

Они пили в гостиной шампанское, закусывая оливье, и снова вспоминали школу, она рассказывала о своей учёбе, а он – о работе. Потом пересели из-за круглого стола на кожаный диван и включили телевизор, Алексей придвинулся к девушке поближе и обнял её за плечи. Он совершенно не понимал, что там показывают по первому каналу и принялся медленно и нежно её целовать, всё ожидая, пока она его остановит, но она только теснее к нему прижималась... Конечно, он очень её хотел, и у него уже был сексуальный опыт, полученный на Кубани с девушкой, которая была на три года старше него, но совершенно не планировал лишать однокурсницу невинности до своего ухода в армию. Он думал, вот вернётся – и потом... Но всё произошло само собой.

– Я люблю тебя, – Алексей наконец-то произнёс три заветных слова, когда они лежали, обнявшись, на широкой тахте в спальне, и услышал в ответ:

– Я тоже люблю тебя, Алекс. Со вчерашней ночи, – ответила Рита и, поймав его недоуменный взгляд, пояснила: – То есть, наверное, давно любила, но вчера как-то вдруг это осознала.

– Я вернусь из армии и женюсь на тебе, – торжественно пообещал Алексей, желая показать, что относится к ней серьёзно

– Нисколько не сомневаюсь, – лукаво улыбалась она.

– А если ты вдруг забеременеешь, то распишемся до моего ухода.

– Не забеременею, – успокоила его Рита, – у меня сейчас безопасные дни.

Лёша тогда не очень понял, что это значит. Но с этого дня они стали проводить всё свободное время вдвоём и часто оказывались в постели «в безопасные дни». Он жалел, что они не могут вместе засыпать и просыпаться, но его мама не позволила бы сыну не ночевать дома. Да и как бы он ей объяснил, куда направляется? Он твёрдо решил, что об их с Маргаритой отношениях ни один человек, кроме них самих, знать не должен.

* * * * *

Наступила календарная весна, а с ней неумолимо приблизилось время призыва в армию. Мудров по-мужски решительно был настроен отдавать долг Родине, но с грустью думал о предстоящей разлуке с Ритой. Он понимал, что и она переживает по этому поводу, и именно поэтому становится порой то нервной, то капризной, и пытался успокаивать её, как мог.

– Алекс, а ты будешь меня в армии ревновать? – спросила Рита, когда они переместились из спальни в кухню пить чай.

– Конечно, буду, ты же у меня такая красивая...

– И что? – взметнула она брови вверх.

– Я буду далеко, а за тобой парни будут увиваться...

– И что? – уже с угрозой в голосе спросила девушка. – То есть, если я была с тобой, то, когда ты уедешь, я буду с каждым, кто будет вокруг меня увиваться?

– Что ты такое говоришь, Рита? – удивился Алексей такому неожиданному повороту разговора. – Я вовсе ничего такого не имел в виду.

– Ревновать человека – значит, не доверять ему. И ты, значит, мне не доверяешь. Ты так плохо обо мне думаешь?

– Ну, как я могу о тебе плохо думать? Зачем бы я тогда с тобой стал встречаться? Все парни ревнуют девчонок, которых любят.

– Если любят – то доверяют, – стояла на своём Рита. – А ты мне, значит, не веришь!

– Прекрати, ну чего ты вдруг завелась на ровном месте? – Алексей обнял девушку, но она резко вырвалась и убежала в комнату.

Тогда он ещё не был силён в психологии, особенно, в женской. Что делать в ситуации, когда девушка ведёт себя по принципу: «Сама придумала – сама обиделась», Мудров решительно не знал. И он поступил, как ведут себя в подобных случаях большинство мужчин – быстро оделся и молча ушёл. Другого способа остановить необоснованную женскую истерику он просто не видел. Знать бы тогда, что это было их последнее свидание!

После ссоры

Омск, 1974—1975 гг

На пятый день после ссоры с Алексеем, вдоволь наревевшись и мысленно выговорив ему все свои обиды, Маргарита решила, что надо срочно мириться. Через неделю он исчезнет из её жизни на бесконечно долгие два года, а они из-за нелепой размолвки теряют последние драгоценные моменты, которые могут провести вместе. В пятницу вечером она надела тёмно-синее платье, в котором была в Новогоднюю ночь, и подаренный им платок, и поехала к дому родителей. Подходя к подъезду, Рита столкнулась с выходящим из дома Сергеем.

– Привет, – сказал он. – А ты что к Лёшке на проводы не пришла? Он всё ждал, до последнего надеялся, что ты появишься. Несколько раз звонил тебе, но тебя не было дома.

– А что, он уже и проводы успел устроить? Когда?

– Вчера.

– А что так рано?

– Почему рано-то? Его уже сегодня и отправили.

– Как сегодня? – обомлела Маргарита. – Через неделю же должны были...

– Ну, это же армия. Пришло указание – и вперёд, по вагонам, – беспечно ответил Скворцов, но заметив, как побледнела девушка, сочувственно добавил: – Да ты не расстраивайся. Ну, не знала, и не знала. Все так внезапно произошло. Узнаем адрес части, письмо ему напишешь. Да он сам тебе напишет, как только сможет.

Маргарита утвердительно покачала головой. Ком в горле не давал произнести ни слова, из глаз предательски покатались слёзы.

– Ты чего, Марго? – поразился Сергей, который никогда не видел подружку детства плачущей. – Ничего же не случилось страшного. Пошли ко мне, посидим, поболтаем. Предки на даче.

Он обнял девушку за плечи, и она послушно пошла с ним рядом...

Рите снился муторный и тревожный сон, в котором какие-то люди в масках преследовали её в тёмном переулке. А она понимала, что не сможет от них убежать, потому что ноги налились свинцовой тяжестью и передвигаются медленно, с большим трудом. Она всё пыталась взлететь, чтобы оторваться от погони, и несколько раз ей удавалось приподняться на несколько метров над землёй, она даже оказывалась чуть выше проходящих по бетонным столбам проводов. Но те же свинцовые ноги всякий раз заставляли непослушное тело приземляться. Тем временем неизвестные и мрачные преследователи медленно и неотвратимо подходили всё ближе и ближе...

Она проснулась от ощущения онемения закинутых за голову рук и чугунной тяжести в затылке. Было очень холодно, девушка оглянулась в поисках одеяла и увидела его рядом с собой. Но в него было замотано чьё-то тело. Маргарита резко вскочила и зашаталась, её отчаянно затошнило. Каждое движение вызывало нестерпимую муторность в груди. В неярком свете стоящего в дальнем углу комнаты торшера она успела заметить красное пятнышко на белой простыне и, прикрыв рот рукой, двинулась к ванной комнате. Её долго рвало, и она не отзывалась на стук в дверь и вопросы Сергея:

– Марго, тебе плохо? Хочешь чай? Воду с лимоном?

Когда она, окончательно обессилившая и замотанная в банное полотенце, вышла из ванной, Сергей сидел в кухне. На столе стояли чайные чашки и заварной чайник. Раковина была заставлена грязной посудой, под столом – две пустые бутылки из-под коньяка. Рита поморщилась и ушла в комнату одеваться. Через несколько минут Сергей услышал звук захлопнувшейся

входной двери. Он не стал её догонять, мрачно подумав: «Ну, вот и переспали. Да так славно, что её от меня наизнанку выворачивает».

Маргарита вышла на улицу, и пылающее лицо тут же обдало ледяным холодом последней апрельской метели. Она шла к остановке и подавленно думала: «Вот ведь как прав был Алекс. Какая же я дрянь! Я не только не стала дожидаться два года, пока он будет служить, я изменила ему в тот же самый день, когда его забрали в армию». Она решительно ничего не помнила после того момента, как ревела в кухне, а Сергей всё подливал и подливал ей коньяк, и она автоматически глотала одну рюмку за другой, иногда закусывая кусочком шоколада, а иногда забывая это сделать. Но в том, что у неё с Сергеем что-то было, сомневаться не приходилось. Проснуться в сильнейшем похмелье совершенно голой в постели с парнем – это никак не может быть объяснено чисто дружескими отношениями. Она только не понимала, почему на постели была кровь: это у них был такой жёсткий травмирующий секс, или раньше времени начались критические дни? Но они не начались, ни в тот день, ни месяц спустя.

Сначала Маргарита уговаривала себя, что всё как-нибудь обойдётся, задержка может быть на нервной почве или по каким-то другим причинам. Но когда её начало регулярно тошнить, а вся еда в холодильнике стала казаться пропавшей и несъедобной, она запаниковала и задалась главным вопросом: от кого? Десятки раз по календарю и по пальцам пересчитывала дни своего цикла и ничего не могла сообразить. Она переспала с двумя парнями с интервалом в неделю. Выходило, что во время секса с Алексеем дни были ещё безопасные для секса, а с Сергеем – уже безопасные. Как же так вышло? Отправиться в женскую консультацию девушка не решалась, у матери было много знакомых в медицинской среде, и кто-то мог сообщить ей о беременности незамужней дочери.

Во время всех этих метаний и терзаний пришло письмо от Мудрова. Возвращаясь из института, Рита открыла почтовый ящик и обмерла, увидев в нём конверт с адресом войсковой части. Послание было коротким, но ёмким. Любимый парень писал, что скучает по ней, сожалеет об их бестолковой ссоре и надеется на её ответное послание. Первой её мыслью было ответить, написать, что она ждёт от него ребёнка. Но что потом? Поверит ли ей Алекс? Если да, то что дальше? Объявить о беременности его маме, заручиться её поддержкой и ждать возвращения парня из армии? «Ты его уже не дождалась, – зло напомнила себе Маргарита, – и Сергей, с его-то замашками получать всё, чего он хочет, не преминет сообщить Алексу о том, что переспал со мной. Если уже не сообщил». Так что лучше было оставить эту затею и на письмо не отвечать, а от ребёнка избавиться.

Приехав после занятий в родительский дом, когда папа и мама были на работе, девушка долго изучала толстый том учебника для мединститутков «Руководство по акушерству и гинекологии». Главная мысль, которую она оттуда почерпнула, была та, что после первого аборта слишком велика вероятность дальнейшего бесплодия. Осознание, что у неё может никогда не быть детей, ужасала. Не менее пугала реакция родителей на её нежелательную беременность. В первую очередь, для неё самой нежелательную. Рита уже отдавала себе отчёт в том, что Алексей для неё навсегда потерян, но не хотела ребёнка от Сергея. Ничего от него не хотела.

Сразу после проведённой в одной постели ночи Сергей несколько раз звонил ей. Но Маргарита, услышав его голос, всякий раз молча клала трубку на рычаг. И вот теперь назрела необходимость звонить ему самой, а она всё никак не могла решиться. Девушка всё больше склонялась к мысли, что отец именно он, но не представляла себе, как произнести простую фразу: «Я жду от тебя ребёнка», после которой последуют огромные сложности. Что он ответит? И что ей делать, если ничего ему вообще не говорить?

Когда Скворцов субботним вечером в очередной раз позвонил, Рита наигранно-радостным голосом ответила на его приветствие и предложила приехать к ней в гости. За время долгих раздумий она выработала линию поведения: не укорять, не просить, а просто поставить в известность.

Маргарита открыла дверь, позволила Сергею обнять её и поцеловать в щёку, приняла из его рук коробку с тортиком и прошла в кухню. Парень последовал за ней и встал у окна, ему понравился открывавшийся с этой точки вид на город. Рита зажгла газ под алюминиевым чайником и просто сказала:

– У нас будет ребёнок.

– Вот так вот с первого раза? – удивился Сергей, опустившись на стул.

– Для этого хватает и одного раза. Но я тебя пригласила просто сообщить об этом. Ты имеешь право знать. Я тебе не навязываюсь. Справлюсь сама.

– Я вовсе не струсил. Просто я не могу сейчас на тебе жениться.

– Ну, конечно, не сейчас! Сначала ты должен окончить школу милиции, потом устроиться на работу, начать зарабатывать деньги, чтобы обеспечивать семью...

– Ты не поняла, – досадливо поморщился Сергей. – Ты забыла, что мне ещё нет восемнадцати лет? Это вы с Алексеем родились в ноябре и декабре, а мне восемнадцать исполнится только пятнадцатого июня!

Маргарита вспыхнула, краска стыда залила её лицо. О таком повороте событий она даже не подумала. Все эти дни она вынашивала свою версию событий: друг детства воспользовался её подавленным состоянием, напоил до беспамятства и уложил в постель. А с другой точки зрения, выходило, что это она развратила несовершеннолетнего, который моложе её на полгода. Конечно, дата рождения – это всего лишь формальность. Но ведь она сама пришла к нему домой, никто не поил её насильно, не угрожал и не принуждал к сексу. Во всём произошедшем она виновата сама, да ещё и ставит парня перед фактом: будет ребёнок, и всё!

Маргарита подошла к окну, у которого недавно стоял Скворцов, и бессмысленным взором уставилась на светящиеся окна соседнего дома. Ей было нечего больше сказать. В кухне долго висела отдающаяся звоном в ушах тишина, пока Сергей не подошёл и не обнял её сзади:

– Марго, давай попробуем так. Ты возьмёшь справку из женской консультации о беременности, и мы подадим заявление в ЗАГС.

– Правда? – обрадовано переспросила Рита, не поверив, что ситуация может разрешиться таким чудесным образом. Он женится на ней, и их ребёнок родится в законном браке.

– Я же люблю тебя, и потому не брошу, – произнёс Сергей серьёзно, развернул девушку к себе, и с иронической улыбкой добавил: – Ты же знаешь, своих не бросают.

– А что скажут твои родители?

– Думаю, ничего хорошего, – честно признался он и рассмеялся, – зато я резко повзрослею. Говорил же Френсис Бэкон, что мужчина на другой день после свадьбы чувствует себя на семь лет старше.

В старших классах мальчишки увлеклись цитатами из книг, и важно было не только к месту произнести крылатое выражение, но и обязательно запомнить его автора. Рите это никогда не удавалось, и потому она не стремилась нарочито умничать, считая, что и без того умна, но в этой ситуации она ощущала себя круглой душой.

Маргарита съездила в женскую консультацию, получила справку о беременности сроком шесть недель, молодые люди купили два тонких золотых колечка в салоне для новобрачных и подали заявление в ЗАГС. Сначала они решили сразу же расписаться, а родителям пока ничего не говорить. Потом всё же приурочили бракосочетание ко дню рождения Скворцова.

Подруг Рита так и не завела, и потому попросила стать свидетельницей со стороны невесты девушку, с которой чаще всего оказывалась за одной партой в аудиториях. Сергей пригласил на торжественное событие Владимира, чем сильно озадачил друга.

– Так вы женитесь? И молчали? Вот тихони, – удивлялся Володя.

Они вчетвером сходили с ЗАГС, после чего отправились к Скворцовым домой. Сергей заранее предупредил мать о том, что на его день рождения придут Володя и Рита со своей подружкой Верой. Антонина Ефимовна одобрительно улыбнулась и пообещала накрыть хоро-

ший стол. Она сочла, что подружка Ритки – это девушка её сына, и он решил представить её родителям. К восемнадцати годам парню пора уже начать с кем-нибудь встречаться, не всё же со школьными друзьями общаться. «Только бы из приличной семьи девочка оказалась», – загадала она.

Когда около шести часов вечера четверо молодых людей вошли в квартиру, Антонина Ефимовна в первую очередь взглянула на худенькую брюнеточку Веру, оценивая «девушку сына», и потому не сразу обратила внимание на то, что Рита пришла в белом платье, в котором была на выпускном вечере. При этом лицо у неё испуганно-напряжённое, а в руках букет хризантем.

– Мам, пап, у меня для вас сюрприз. Мы с Маргаритой только что поженились, – собравшись с духом, решительно и весело заявил Сергей.

– Как это поженились? – опешила Антонина.

А отец плеснул в свою рюмку водки и глубокомысленно заметил:

– Судя по поспешности заключения брака, быть нам вскоре с тобой, Тоня, бабушкой и дедушкой.

– Так ты беременна? – выдохнула новоиспечённая свекровь и приторно-ласково попросила: – Риточка, детка, спустись-ка за своими родителями. Нам надо пообщаться.

Молодая жена поспешно сунула в руки Вере букет и выскочила из квартиры. Ей было и страшно сообщить о своей тайной свадьбе отцу и матери, и противно, что навязалась без спроса в чужую семью, в которой ей, как невестке, оказались совсем не рады. И всё же это было лучше, чем рожать ребёнка без мужа при всеобщем осуждении.

Войдя в родительский дом, Рита с порога выпалила:

– Пойдёмте к Скворцовым. Мы с Серёжей сегодня расписались.

– А как же институт? – только и спросила мать.

Когда наскоро одевшиеся в выходные наряды и растерянные не менее дочери Ольга и Владислав вошли в квартиру новоиспечённых сватов, напряжённая ситуация в ней уже несколько разрядилась. Отец Сергея Анатолий Петрович успел вывести в кухню ошарашенную жену, которая столько раз сладостно мечтала, какую роскошную свадьбу устроит единственному сыну, и какие высокие гости будут на ней присутствовать, и по-партийному убедительно и доходчиво внушить ей:

– Тоня, теперь уже ничего не поделаешь, так что принимай ситуацию такой, какая она есть. Хорошо ещё, что всё случилось мирно, а не со скандалом. В конце концов, Ритка не худший вариант, мы её с детства знаем. Пусть рождает, а там разберёмся. У нас же парень, а не девка. Не сойдутся – разведутся.

Антонина тяжело вздохнула, глотнула водки прямо из горлышка бутылки, запила томатным соком и вернулась в зал.

– Ну что, дорогие сваты, – обратилась она к вошедшим Ольге и Владиславу, – огорошили нас детки? Проходите к столу, надо же обсудить, где молодые будут жить, и что им по такому торжественному случаю подарить. Ну, и всё такое прочее.

– Жить мы будем у меня, – решительно заявила Маргарита, которая не представляла, как смогла бы остаться в доме мужа хотя бы на одну ночь.

– А подарите нам новую мебель, – попросил Сергей и направился к бобинному магнитофону, чтобы включить музыку. – Мама, для тебя же это не проблема, правда?

– Да у меня вообще никогда никаких проблем, лишь бы у тебя, сынок, их не случилось, – не удержалась от колкости Антонина.

Но её уже никто не слушал. Мужчины принялись деловито разливать по рюмкам и бокалам кому водку, кому вино. Ольга вполголоса переговаривалась с дочерью, а Владимир – с Верой. Немного выпив и закусив под тосты в стиле «За мир и счастье в новой семье», молодёжь отпросилась у взрослых «погулять», оставив сватов за праздничным столом обговаривать

«вопросы». К ним прибилась и младшая сестра Маргариты Ольга, носившая то же имя, что и её мама.

Вскоре квартира Ритиной бабушки была отремонтирована, а зал, спальня и кухня обставлены импортной мебелью. К вернувшимся из Ленинграда, куда их отправили в свадебное путешествие родители, молодожёнам пару раз в неделю стала навещать домработница Скворцовых, которая привозила продукты, мыла полы и готовила обеды. Сначала молодую жену возмущала навязчивая опека свекрови, но когда вырос живот, и домашние хлопоты стали даваться с трудом, Рита уже не возражала против того, чтобы кто-то решал за неё бытовые проблемы.

* * * * *

Пятнадцатого января тысяча девятьсот семьдесят пятого года Маргарита родила сына. Во время беременности у неё периодически возникала тревожная мысль: что, если сын (а она была совершенно уверена в том, что родится непременно мальчик), всё-таки от Алексея? Но она всякий раз гнала от себя сомнения, цинично рассуждая: «Ну, даже если так, то что? Предполагаемые отцы оба высокие, русоволосые и кареглазые, так что особых сюрпризов с внешностью малыша не ожидается. Если биологический отец Алекс, то никто ничего не узнает. Даже я сама».

Мальчик родился весом в три килограмма двести граммов.

– Ты смотри, здоровенький какой. Синеглазый! Счастливый будет парень – на мамочку похож, – отметила акушерка.

«Вот и хорошо, что на мамочку», – устало подумала Маргарита. Она заранее уговорила Сергея назвать наследника Александром в честь своей любимой бабушки Саши. На самом деле ей очень хотелось звать сына по-прежнему дорогим для неё именем Алекс.

Ни невесты, ни друга Омск, 1976—1980 гг

Алексей вернулся из армии, как и ушёл, в апреле. Как только он добрался до места службы, а попал он в Казахстан, при первой же возможности отправил письма маме, отцу, Владимиру, Сергею и Маргарите. От первых троих вскоре получил ответы, но второй друг и любимая девушка молчали. Впрочем, Мудров не удивлялся тому, что Скворцов не написал, этот парень не являлся любителем эпистолярного жанра и не считал себя должным делать то, чего ему не хочется, даже по дружбе. Но то, что Рита игнорировала его письмо, было обидно. Он никак не мог взять в толк: что такого страшного случилось в тот вечер, когда они виделись в последний раз? Как могло обиденное обещание парня ревновать свою девушку привести к полному разрыву отношений?

Во время своих проводов он всё названивал в квартиру её бабушки, надеясь, что они ещё увидятся, но никто не брал трубку. Так и уехал, не выяснив недоразумения и не простившись, но всё же предполагал, что девушка остынет от своей надуманной обиды, и они помиряются. Спросить в письмах маме и Владимиру, как поживает Рита, ему было неловко, ведь для всех она оставалась всего лишь школьной подружкой, и никто не знал об их любовной связи. В конце концов, Алексей решил, что либо девушка заскучает и напишет, либо всё определится, когда он вернётся в родной город. Они встретятся, взглянут друг другу в глаза, и станет ясно, быть им вместе или не быть.

Ответ на гамлетовский вопрос пришёл в конце июня, когда Владимир написал, что Маргарита и Сергей поженились, поселились в её квартире и ждут ребёнка. Так Мудров одновременно лишился и любимой, и друга. В первые несколько секунд у него возникло то же ощущение, когда он в боксе пропускал удар под дых. Можно было сколько угодно утешать себя тем, что в жизни нередко случается, чтобы девушка «и башмаков не успела сносить», как нашла парню замену, и что «если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло», а всё же поначалу было очень больно. Эту душевную боль он вытеснял физическими нагрузками, стремясь, как в детстве, во всём быть лидером: первым пробежать кросс, сделать больше всех подтягиваний на турнике, показать лучшие результаты на стрельбах.

Конечно, даже самая сильная боль со временем притупляется, и в юности заживление ран происходит гораздо быстрее, чем в зрелом возрасте, когда счёт потерь идёт уже не на единицы, а на десятки. Тогда переживать их приходится всё дольше, и справляться с горем становится всё труднее.

Алексей уже через полгода сумел, если и не до конца понять, то принять как данность предательство близких людей, и уже почти не вспоминал ни Сергея, ни Маргариту. Даже сообщение Владимира о том, что у молодожёнов родился сын, и он будет его крестить, боец воспринял не столь стойчески, сколь равнодушно, будто речь шла о посторонних для него людях.

Вернувшись два года спустя домой субботним днём без предупреждения и пообщавшись несколько часов с мамой, Мудров ближе к вечеру позвонил в дверь Леонтьева. Друг оказался дома, и они почти до утра проговорили у Лёши в кухне, попивая красное вино и поедая испечённые мамой пирожки с капустой и нажаренные сочные котлеты, по которым он так скучал в армии.

Владимир увлечённо рассказывал об учёбе в школе милиции и практике, которую слушатели проходили в отделах милиции.

— Знаешь, Лёха, и в теории, и на деле многое оказалось совсем не так, как нам представлялось в школьные годы, и как показывают в кинофильмах. Как бы тебе сказать? Прозаичнее

что ли? Или грязнее? Хотя всё равно интересно. Впрочем, скоро ты сам всё оценишь. Если, конечно, ещё не передумал к нам поступать.

– Нет, не передумал. Наоборот, укрепился в своём решении. И теперь это уже не детская мечта, а взрослое решение.

– А знаешь, мне кажется, что Сергей разочаровался в профессии... Нет, не так. Скорее, он считает, что способен на большее, чем годами хулиганов на дискотеках приструнивать и мелких воришек ловить. Ему бы сразу в генералы.

– Володь, избавь меня, пожалуйста, от разговоров о нём.

– Да что такого случилось-то, что ты не хочешь ничего знать о друге? Он тоже не очень любит о тебе вспоминать. Это из-за Ритки, да? Ты ведь тоже был в неё влюблён? Да брось ты, найдёшь себе ещё хорошую девчонку.

– Найду, конечно. Сам-то ещё ни с кем не встречаешься?

– Встречаюсь с одной, Ленкой зовут, – смущённо улыбнулся Владимир. – Но посмотрим, что получится.

На рассвете друзья отправились кататься по пустынному городу на новой игрушке Владимира – вишнёвой Яве 360 модели с хромированным бензобаком и двухцилиндровым двигателем. Потом они ещё не раз проводили с другом время за беседами и выезжали прокатиться по Омску или за город. А с Сергеем ему довелось всего два раза столкнуться в стенах школы милиции, но оба сделали вид, что не знают друг друга, и не поздоровались.

Проведя несколько дней в родительском доме, Мудров уехал на целый месяц к отцу на Кубань, а, вернувшись, принялся готовиться к вступительным экзаменам. За время службы он стал кандидатом в члены КПСС и, как предрекал подполковник из мандатной комиссии, на льготных условиях поступил в Высшую школу милиции. К тому времени его бывшие школьные друзья уже окончили третий курс.

Когда Владимир и Сергей начали милицейскую карьеру, Алексею до исполнения мечты оставалось ещё три года. Но времени зря он не терял, упорно занимался, восстанавливая в памяти подзабытые за время работы на заводе и службы в армии знания, занимался общественной работой, и вскоре стал секретарём комсомольской организации курса.

Однако уже на первом курсе его едва не отчислили. Мудров активно занимался спортом, и его отправили на сборы. После очередной тренировки он пришёл на пляж. На лодочной станции расположились приятели, живущие по-соседству. Парни увлекались культуризмом, в семидесятых годах стало модным накачивать бицепсы, и культуристы котировались в городе как противовес преступному миру.

Когда Алексей подошёл к приятелям, они рассказали, что накануне подрались на танцах и отметили нескольких слушателей школы милиции и студентов института физкультуры. И тут по ведущей к пляжу лестнице стали спускаться парни в спортивных костюмах. Мудров прикинул навскидку, что их больше двухсот. Одного из культуристов парни узнали, и вся эта толпа пошла на друзей стеной. Цель приближающихся была очевидна – поквитаться за вчерашнее, захватить, избить.

Драка началась практически молниеносно, и Алексей ввязался в неё без раздумий. Минут пять меньшинство, отступая к воде, отчаянно отбивалось от большинства подручными средствами – подобранными на песке бутылками и железными прутьями. Под мощным натиском врагов культуристам всё же удалось взобраться на спасательный катер и отчалить от пристани, несмотря на то, что в них продолжали бросать всем, что подворачивалось под руку. Чаще это были битые бутылки, и у Мудрова навсегда остался шрам на руке от пореза стеклом.

И тут друзья попали, как говорится, «из огня да в полымя». Им пришлось в сопровождении появившегося милицейского катера рулить к ближайшему отделению, где их, как были, в плавках, поместили в камеру для задержанных. Чем могло обернуться для Алексея это происшествие, было яснее ясного, и он объявил приятелям:

– Ребята, я подрываюсь, потому что мне вилы.

Понимая, что его проступок не совсем соответствует облику примерного блюстителя порядка, и отчисление из вуза, в который он так долго и упорно стремился, не за горами, Мудров быстро нашёл способ скрыться. Камера задержанных находилась рядом с помещением дежурной части, и пройти мимо сотрудника милиции незамеченным было практически невозможно. Алексей попросил разрешение выйти в туалет и обнаружил неподалёку от него какую-то дверь, запертую только на крючок. Подняв его, он выглянул наружу и понял, что за дверью – выход во двор, и далее – на улицу.

Назад, к лодочной станции, пришлось идти километра три в одних плавках. На песке, на месте бывшего побоища, он нашёл свои брошенные вещи, оделся и быстрым шагом вернулся в общежитие.

Конечно, вскоре в школе милиции стало известно, что Мудров находился среди семи задержанных у пристани парней, но конфликт удалось погасить. Руководство вуза проявило к курсанту снисхождение, оправдав проступок тем, что он не мог бросить на произвол судьбы шестерых друзей, когда на них напали более двухсот человек.

Позже, многократно прокручивая в голове этот эпизод, Алексей понял, что на момент начала драки ему было не важно, кто виноват, кто прав, но помочь друзьям выстоять против толпы он был просто обязан. Этот случай навсегда укрепил его во мнении, что когда люди находятся в трудной ситуации, сначала нужно найти способ им помочь, а уже потом разбираться, почему так вышло. Своих не бросают, и в этом он счёл себя правым. В некоторой мере, он тогда даже немного гордился собой: не струсил, не сбежал, не предал.

И он был благодарен своим наставникам за то, что поняли его поступок и не выгнали из лучшего в Советском Союзе вуза, где готовили кадры для милиции с высшим образованием. В Высшей школе преподавали и профессора, и практики, не имевшие научной степени, но обладающие большим опытом работы в милиции. Львиная доля часов отдавалась криминалистике и уголовному праву. Учили оперативно-розыскной деятельности – работе с негласным аппаратом, раскрытию преступлений по горячим следам, общей юриспруденции. Тренировались парни и физически, занимались боксом, самбо. Позже единоборства помогали им ловко задерживать преступников, длительное время сидеть в засадах, не обозначая себя, и вести слежку, не раскрываясь.

Два раза в неделю слушателей Омской Высшей школы милиции задействовали в охране общественного порядка, и парни ходили на танцы, дискотеки, праздничные мероприятия, в места массового скопления народа, нисколько не опасаясь, что с ними что-то может случиться. Выходили в рейды и с участковыми, и с членами добровольных народных дружин. В советское время сотрудников органов внутренних дел уважали, и даже где-то побаивались. Авторитет у милиции был непререкаемый, совсем не тот, что десятилетие спустя, в лихие девяностые – период бандитских разборок и «ментовских войн».

К курсантам не приставляли «нянек», и практику они зачастую проходили, выполняя работу участковых в населённых пунктах, где не было ни одного сотрудника ОВД. Слушатели принимали от граждан жалобы и заявления, разбирались в семейных конфликтах, утихомиривали дебоширов. Мудров постоянно приходил в отделение милиции помогать сотрудникам – отнести повестку по адресу, поучаствовать в задержании, взять объяснения у задержанных или потерпевших, послушать рассказы оперативников о недавно раскрытых преступлениях.

На территории, к которой Алексей на практике был прикреплен к старшему инспектору уголовного розыска, находился притон. Из «нехорошей квартирки» опера постоянно забирали подозрительных личностей и доставляли в отделение. Однажды он сам наведялся по адресу и обнаружил восемь человек. Все ранее судимые, синие, в наколках. А он даже без формы пришёл, зато с удостоверением слушателя школы милиции. В ответ на предложение следовать за ним, Алексей услышал обращение одного из рецидивистов к своим друзьям:

– Да давай привалим его, он один.

– Я-то один, но там ещё пять человек вас внизу ожидают, – возразил будущий милиционер, – так что давайте, граждане, быстренько собралась и пошли.

– Я его знаю, – поддержал Мудрова хозяин притона, – он приходит с опером.

И жулики нехотя потянулись следом за парнем. В отделение он их доставил один, проехав в бандитской кампании две остановки на троллейбусе. Никто и не пытался убежать.

Как-то оперативники задержали семь человек с краденными телевизорами, их поймали, когда они перекидывали технику через складской забор. Шесть человек сразу начали давать показания. Седьмому, особо опасному рецидивисту, опера показывают явки с повинной:

– Смотри, все уже всё написали, во всём признались, похищенное мы изъяли.

А он всё равно в отказ:

– Я ничего не совершал.

И тогда наставник Алексея принялся методично буцать задержанного резиновой дубинкой, да так увлёкся, что практиканту показалось, что вор вот-вот захрипит, но тут последний сказал:

– Ну, всё, ребята, хватит. Давайте бумагу, буду писать.

– А что же ты сразу не пошёл в сознанку? Для чего тебе надо было, чтобы тебя били? – возмутился оперативник.

– Ну, я всё же авторитет. Сейчас приду в камеру, а меня спросят: а ты чего дал показания? На тебе даже ни одного синяка нет.

В то время были чёткие понятия о том, как должен себя вести вор в законе, и он старался этим правилам соответствовать. А по-другому и не получалось, ведь советская система исполнения наказаний отнюдь не исправляла заключенных и не наставляла их на путь истинный. Лишь единицы из них после отсидки на зонах возвращались к нормальной жизни, зарабатывая хотя бы относительно законным путём. Сотни тысяч других, едва откинувшись на волю, вскоре снова оказывались за решеткой. В этом Мудров не раз убеждался на практике.

В десятом классе, помимо троих близких друзей, в круг его плотного общения входили ещё десять-пятнадцать живших в их микрорайоне ребят, которые зачастую вместе проводили свободное время. В один из вечеров Игорь Горелов, с которым они учились в одной школе, но в разных классах, предложил пойти ночью «на дело», снимать зеркала с только что выпущенных автозаводом ВАЗ Жигулей. Тогда их называли «единичка», а позже, когда модель перестала считаться престижной, к ней прочно приклеилось прозвище «копейка».

– Мы позавчера сняли шесть зеркал, – сообщил Игорь с бравадой, – продали их на рынке и получили неплохие деньги. Кто сегодня со мной?

Из пятнадцати парней шестеро подписались на это дело, а девять других отказались. Конечно, грезившим о милицейской карьере Алексею, Владимиру и Сергею и в голову не могло придти отправиться на ночную прогулку по окрестным кварталам, чтобы воровать с припаркованных во дворах Жигулей зеркала. Но Мудрова тогда неприятно поразил хищнический блеск, вспыхнувший на несколько секунд в глазах Сергея. Показалось, что и близкого друга заразила преступная идея совершить что-то противозаконное, дерзкое, опасное. При полном недостатке в семье Скворцовых, парень получал всё, чего хотел, в карманных расходах он тоже не нуждался. Однако дух авантюризма у Сергея оказался настолько силён, что не выбери он профессию милиционера, непременно подался бы в преступники, причём, не наживы ради, а чисто из охотничьего азарта, подумалось тогда Алексею.

Через несколько дней после того вечера ребята узнали, что троих «зеркальных» воров поймали в ту же ночь на месте преступления, они тут же сдали своих поделщиков, и тех тоже взяли с поличным. Организатор подростковых краж Горелов получил два года условно. Когда Мудров на четвёртом курсе проходил практику в милиции, он присутствовал на допросе Игоря, который за шесть послешкольных лет умудрился заработать три судимости и снова

находился под следствием за очередной грабёж. Им обоим было тогда по двадцать четыре года, но один ждал диплома об окончании Высшей милицейской школы, а второй – отправки на зону в четвёртый раз. И Алексею тогда подумалось, что каждый – сам творец своего счастья. И несчастья – тоже.

Первая взятка Омск, 1977 г

Чем ближе подходило время к окончанию учёбы, тем чаще мать заводила разговоры о будущем Сергея. Антонина Ефимовна с самого начала была против выбора сына, и документы в школу милиции ему удалось сдать только благодаря поддержке отца, считавшего, что парень должен решать свою судьбу сам. Кроме того, партийный работник не видел ничего зазорного в том, что сын обретёт настоящую мужскую профессию и будет служить Советскому Союзу, охраняя правопорядок в стране. Но мать всё никак не могла успокоиться, что сыну придётся «иметь дело с бандитами и рисковать жизнью», а ведь он у неё один.

Скворцов радовался тому, что с семнадцати лет живёт отдельно от родителей, сначала в стенах альма-матер, потом в квартире жены. Он был доволен тем, что удавалось по-прежнему получать от родителей всевозможные блага и в то же время уходить от их излишней опеки, хотя с матерью они виделись всё-таки довольно часто. Сразу после свадьбы Антонина Ефимовна настояла на обязательном еженедельном семейном ужине в своём доме и хотя бы раз в неделю сама навещалась в квартиру молодых. Их это не тяготило, ведь при каждой встрече они с Ритой получали обязательные и недешёвые подарки, а на выходные родителям можно было оставить ребёнка и провести время вдвоём.

Сколько Сергей себя помнил, мать всегда решала все его вопросы и вставала на защиту в любой ситуации, начиная с разборок в детской песочнице. В первом классе он метнул камень в соседского мальчишку и рассёк тому лоб. Когда разъярённый отец пострадавшего буквально ворвался в их квартиру и потребовал «маленького бандита» на расправу, виновный прятался под кроватью и дрожал от страха, представляя, что орудий грозный дядька сейчас выволочет его из убежища и тоже в отместку разобьёт камнем лоб. Но мать разрешила ситуацию уговорами, увещевая, что мальчишки есть мальчишки, и откровенным подкупом – дала денег «на лечение». Сергей тогда отделался серьёзным внушением: если он ещё раз соберётся метать камни в живые мишени, дело может закончиться исключением из школы или даже отправкой в детскую колонию, откуда прямой путь на взрослую зону. Он тогда не слишком хорошо понимал, что такое колония и зона, но усвоил: мамы там не будет.

У него всегда были лучшие игрушки, которые только можно было достать в шестидесятые годы, и самые модные и престижные вещи, появившиеся в стране в семидесятые. Одежду можно было носить открыто, игрушками даже нужно было делиться с друзьями, как и приглашать их в гости и угощать всем, что имелось в холодильнике. Однако существовали и запреты. Так, родительская спальня была единственной в квартире комнатой, которая запиралась на замок, как на ночь, так и в то время, когда родителей не было дома. Мама убирала спальню сама, и доступа туда никому не было. Даже сын оказывался в этой внутримодовой цитадели лишь изредка, и в подростковом возрасте он стал понимать, почему эта территория так тщательно оберегается. Именно там хранилось всё самое ценное, что было в доме, и что нежелательно было выставлять напоказ – редкие книги, хрупкие статуэтки, золотые украшения.

В девятом и десятом классе у Скворцова появилась первая большая тайна от его друзей. Мать договорилась с его школьными учителями по английскому языку и истории, что они займутся со своим учеником репетиторством для подготовки к вузу, и платила им по пять рублей за занятие. Два раза в неделю Сергей ходил по вечерам к своим педагогам домой и никому об этом не рассказывал. Понимал, что у родителей друзей нет средств на то, чтобы дополнительно платить репетиторам, а педагоги не хотели предавать огласке получение денег от уче-

ников. Кроме того, Сергею не хотелось признаваться в том, что отличными оценками он обязан не личным талантам и рвением к знаниям, а родительскому кошельку.

У парня не возникло проблем с поступлением в вуз, да и в личной жизни тоже всё отлично устроилось. Ему не пришлось долго ухаживать за девушкой, добиваться её внимания и решать проблему, где заняться с любимой сексом. Пока его сверстники приглашали девушек в кино и кафе, покупали им цветы и мороженое, пытались летом вывести на природу, а зимой проникнуть в студенческое или заводское общежитие, Марго свалилась ему в руки сама, да ещё в нагрузку с собственной трёхкомнатной квартирой почти в самом центре города. Именно это жильё и примирило его родителей со слишком ранним и неожиданным вступлением сына в брак. Всё же невеста оказалась с солидным приданым и не претендовала на квадратные метры свекрови и свёкра.

Курсант с сочувствием выслушивал жалобы однокашника Тимофея, который тоже женился «по залёту» на втором курсе. Парню пришлось привести молодую беременную жену в квартиру из двух смежных комнат, в одной из которых жили его мать и старшая сестра. Все три женщины постоянно развлекались бесконечными скандалами друг с другом, и единственному мужчине настолько надоедали эти бабские разборки, что не хотелось видеть ни мать, ни сестру, ни жену, и он искал малейший повод, чтобы как можно реже появляться дома.

Скворцов же проводил время в своей семье с удовольствием. Большая уютная квартира была обставлена удобной и красивой мебелью, и лишь в кабинете они по взаимному согласию с Марго оставили массивный письменный стол, резной комод и кожаное кресло, а также книжный стеллаж, сохранив интерьер, созданный её бабушкой-чекистом и казавшийся старинным, но стильным.

У молодоженов не возникало бытовых проблем. Рита даже не стала брать академический отпуск на то время, пока вынашивала ребёнка. Родила – и отправилась сдавать зимнюю сессию, а когда возобновились занятия, с малышом сидела нанятая Антониной нянька. Продукты поставлялись домработницей, она же готовила и убирала в квартире. Деньги родители Сергею постоянно подбрасывали, и он не особо задумывался о завтрашнем дне, наслаждаясь ролью мужа и отца, которому для семейного счастья близких людей не надо было прикладывать никаких усилий.

Моментами такая размеренная и сытая жизнь казалась ему несколько прозаической, как и отношения с женой, изначально лишённые периода юношеской романтики. Сергей задумывался: а действительно ли он любит свою Марго? А она – его? Детская влюблённость, сразу же перешедшая в стадию семейных отношений, общий быт и рождение ребёнка не способствовали повышенной притягательности и ярко выраженной сексуальности партнёров. Но всё же в двадцать один год у него уже была умная и красивая жена и очень похожий на неё двухлетний синеглазый мальчишка. А скоро будет и диплом об окончании Омской высшей школы милиции.

Последнее обстоятельство не давало покоя его матери. Казалось, она хотела, чтобы сын учился вечно, лишь бы не начал работать в уголовном розыске. Воскресным днём, когда Сергей завёл сына и жену к её родителям и зашёл к матери один, она в очередной раз предложила ему альтернативу, пообещав пристроить в ОБХСС. И будущий милиционер вдруг неожиданно для самого себя вспылал:

– Мама, а с кем я буду там бороться? С расхитителями социалистической собственности? Причём, начну с тебя и твоего ближайшего окружения?

– Что ты такое говоришь, сын?! – Антонина Ефимовна от возмущения так резко отодвинула от себя чашку с чаем, что коричневая жидкость выплеснулась на кипенно-белую скатёрку, расшитую по краям алыми розами.

– А что мне ещё говорить? Что у нас ворует вся страна?

– Как ты можешь, я ничего ни у кого не украла!

– Конечно, нет. Ты не крадёшь. Ты достаёшь, добываешь, получаешь, и при этом живёшь не как все.

– А как бы ты хотел? Как все? Ты действительно считаешь, что заводской работяга, который периодически просыхает от пьянства и в эти редкие моменты берётся родным коллективом на поруки, должен пользоваться теми же благами, что и интеллигентные образованные люди?

– Нет, я так не считаю, – Сергей встал из-за стола, пересел на кожаный диван и раскинул руки вдоль спинки. – Но интеллигентные образованные люди – это не только партийные работники и заведующие складами, а ещё и учителя, инженеры, которые не имеют доступа к дефициту, а во многих регионах ещё и ездят «на картошку». Они далеки от кормушки и спецраспределителей, но тоже пытаются дорваться до приличных вещей, вкусной еды, достойного отдыха. И потому вынуждены переплачивать, искать нужных людей, получать «благодарности» от сильных мира всего, которым сумели чем-то услужить.

– Хорошо, что отец в санатории, и не слышит.

– Вот именно. Отец в санатории. В том самом, куда простым смертным путь заказан. Он имеет также возможность не только по принуждению выписывать газеты «Правда» и «Труд», но и по собственному желанию – журнал «Крокодил» и «Литературную газету». И даже Библиотеку Всемирной литературы в двести томов. Папа читает. А простые смертные что делают? Они воруют! С производства уносят через дыры в заборах всё, что может пригодиться, или то, что можно толкнуть. В магазинах зарабатывают на пересортице, усушке и утруске, а сметану разбавляют не водой, а кефиром, чтобы не подкопалось то же ОБХСС. Мама, ты давно ела в самой обычной столовой или стояла в очереди за синей курицей, под которую для увеличения веса продавщицы подкладывают побольше серой бумаги? А потом их мужья пропивают «честно заработанное» жёнами, и эти злобные тётки от своей беспросветной примитивной жизни со злорадным удовольствием хамят вынужденным стоять в очередях простым покупателям.

– Можно подумать, тебе самому приходится стоять в очередях или питаться в столовых, – парировала Антонина.

– Крайне редко. Но всё же я не настолько оторван от реальной жизни. Тебе вот платья и костюмы шьёт личная портниха, причём не в ателье, а на дому. А ты достаёшь красивые ткани. Как ты их называешь – отрезы? Взамен материи или туфель, из-под полы купленных в салоне для новобрачных, ты помогаешь кому-то приобрести импортную мебель. Ты покупаешь посуду и одежду с рук. Откуда пальто с ламой, которое ты подарила Марго на день рождения? Или эти вот японские тарелочки с золотой каёмочкой? Ты их, кажется, по два рубля за штучку брала у фарцовщиков? А ведь спекуляция в нашей стране вне закона.

– Вот как ты заговорил! А ведь всю жизнь беззастенчиво всеми благами, которые мы с отцом тебе обеспечивали, пользовался!

Сергей широко улыбнулся и ответил:

– Вот поэтому, мама, я и не хочу работать в ОБХСС! Давай так. Мир, дружба, пепси, джинсы, жвачка – и я иду в уголовный розыск. Там хотя бы понятно, кого и зачем ты ловишь. Убил человека – за решётку. Украл – туда же. Крадут, кстати, как показывает практика, по большей части у тех, у кого есть чем поживиться. То есть, у тех, кто умеет доставать. Так что не позволим всякому вору достойных людей обижать! А социалистическую собственность пусть защищает кто-нибудь другой.

Скворцов понял, что слишком далеко зашёл в этом никому не нужном споре. Матери сорок четыре года, большую часть из которых она прожила, как умела и считала нужным. Её обывательская философия уже не изменится, да и зачем ей это нужно в нынешних условиях? Разве что вдруг в стране изменится сама система производства и распределения, и приоритетным станет не товарообмен между советскими людьми, а всеобщая формула капитализма «деньги – товар – деньги».

Ведь, казалось бы, как всё просто: производить в достаточных количествах качественную продукцию, чтобы каждый мог свободно купить то, что нужно лично ему. Но почему-то так не получается. При этом то, что в капиталистических странах называется свободным предпринимательством, в Советском Союзе считается незаконным обогащением. Взять те же громкие дела «цеховиков». Ну, шьют люди пользующиеся большим спросом шубы и футболки в обход плановой экономики, так ведь они это делают с пользой для народа, а им за это – лет восемь на зоне с конфискацией.

На подобные темы они часто говорили с Владимиром, и друг во многом разделял его взгляды. Как будущие юристы, они любили с юношеским максимализмом порассуждать о законности, но делали это только наедине. Ясное дело, что анекдоты про генсека Леонида Брежнева только ленивый не рассказывал, и жаркие споры о превратностях социализма шли практически в каждой семье. Но будущим блюстителям порядка всё же стоило поостеречься от антисоветских высказываний и осуждения деятельности партийных функционеров. Иначе можно не только удостоверение сотрудника МВД не получить, но и свободы лишиться.

Тем не менее, друзья жадно впитывали информацию о криминальной ситуации в стране и позволяли себе иметь собственную точку зрения на важные события. Так, они сошлись в том, что обмен валюты в СССР должен быть, как во всём мире, свободным. Тогда не придётся осуждать людей за валютные спекуляции, как это случилось с «врагами народа» Рокотовым, Яковлевым и Файбишенко, которых сначала по одному и тому же делу осудили на восемь лет лишения свободы каждого, потом пересмотрели приговор и дали уже по пятнадцать, а после и вовсе расстреляли. На суд, в обход всех норм международного права, лично давил глава государства Никита Хрущёв. Причём тогда, в 1961 году, приговор привели в исполнение по указу, принятому уже после совершенного советскими валютными контрабандистами преступления. После этого в течение одного года по статье 88 УК РСФСР, которую валютчики меж собой называли «бабочкой», были казнены ещё более 160 человек.

– Поборолись, так поборолись. А ведь уничтожили талантливых экономистов, умеющих зарабатывать, пусть и незаконно. Их бы энергию использовать в мирных целях, – заметил Сергей, когда они с другом вспоминали фабулу этого громкого дела.

– Я вообще не понимаю, как можно расстреливать за экономические преступления, – сказал Владимир. – Вот если человек лишил кого-то жизни, тогда да, можно и к нему применить ту же меру.

– А я вообще против смертной казни.

– Это почему? Потому что может быть совершена ошибка и осудят невиновного?

– И это тоже. Хотя, думаю, такое случается крайне редко. Но расстреливать за убийство, по-моему, слишком гуманно. Жизнь за жизнь – это правильно. Но не таким лёгким путём. Преступник должен мучиться и страдать столько, сколько сможет протянуть при созданных для него невыносимых условиях существования. Зачем почём зря биологический материал уничтожать? Пусть на рудниках вкалывает, пока лёгкие не развалятся.

– Это точно, – согласился друг и добавил. – А я вот ещё часто о чём думаю. Вернее, о ком. О тех, кто приводит приговоры в исполнение. Понятно, что человек исполняет приказ, но всё же он не на войне врага убивает, а просто пускает кому-то пулю в затылок. Как потом жить с ощущением, что ты – палач?

– Лишь бы не жертва, – усмехнулся Сергей.

* * * * *

Перед выходом Сергея на работу Антонина Ефимовна устроила сыну и невестке туристические путёвки в Болгарию, где они путешествовали по городам на автобусе. И хотя эту страну называли «шестнадцатой республикой», для впервые побывавших за рубежом молодых людей она показалась сказочной. Произвели впечатление хорошие дороги и плантации роз,

многочисленные кафе с по-настоящему вкусной едой и магазины, полки которых ломились от красиво разложенных сочных овощей и фруктов. Да и выбор одежды был гораздо шире, чем в Омске, причём она была нарядной, качественной, и обходилась дешевле, чем на Родине.

Валюты разрешалось обменять совсем немного, и потому, заранее выяснив, какой товар легче всего сбыть в Болгарии, Сергей купил фотоаппарат «Зенит» и наручные часы «Луч». Каждому туристу позволялось также провести по две бутылки водки и по два блока сигарет. Что оказалось удивительным, в Болгарии охотно покупали сигареты собственного же производства, такие как «Родопи», «БТ», «Интер» и другие марки, быстро ставшие в Союзе популярными. Фокус заключался в том, что в СССР они продавались дешевле, чем в стране-производителе. Престижные «БТ», именуемые почему-то в народе «бычками тротуарными» стоили по восемьдесят копеек за пачку, а ароматические «Опал», с названием которых было связаны многочисленные анекдоты – по пятьдесят. Некурящие и не пьющие водку Сергей и Маргарита продали этот товар за болгарские левы в первом же отеле в Софии и по той же цене, по которой купили их в Омске. Фотоаппарат и часы выгодно сбыли в последние дни поездки.

Не боялся ли Сергей заниматься фарцовкой с риском оказаться в дальнейшем невыездымым за рубеж? Не боялся. Их группу сопровождала знакомая его отца, которая сама и давала советы, где что лучше купить и продать. Кураторы, как правило, не обращали внимания на «мелкие шалости» членов туристической группы, такие как продажу сувениров и походы в ночные клубы, тем более, если это были «свои» люди.

При проверке багажа на таможне главным было вернуться назад с теми же задекларированными золотыми изделиями, с которыми отбыл за рубеж. Золото Сергей перевозить через границу не стал, хотя и придумал несколько оригинальных и безопасных вариантов, как это можно сделать. Но, поразмыслив, счёл, что в данном случае реальный риск пересиливает вероятную прибыль, и потому не оправдан.

Накупленный в разумных пределах товар таможенники не оценивали, и «руссо-туристо» привозили с собой одежду, обувь, посуду. Причём, многие старались выехать за рубеж в старых вещах, которые в иноземных странах выбрасывались, а вернуться в обновках. Сергей себе почти ничего не купил, ему нравилось смотреть, как наряжается его Королева Марго, выбирая в свободное от экскурсионных программ время то комбинезон из плащевой ткани, то трикотажное платье. Она по-детски радовалась обновкам, а он – тому, что может ей это позволить.

Ещё одним открытием в зарубежной жизни для молодой супружеской пары стали ночные дискотеки, где у барной стойки можно свободно покупать спиртные коктейли, а в огромных залах в свете мерцающих огней и отблесках зеркал бесконечно танцевать под самые популярные мелодии мировых исполнителей семидесятых годов. Впервые они попали на дискотеку в Софии и до полуночи отплясывали под композиции АББА, Бони-М, Баккара, Челентано.

В двенадцать ночи, словно опасаясь участи Золушки, вернулись в отель. Зато на «Золотых песках», где проходила морская часть их отдыха, уже без страха нарушить распорядок проводили время на дискотеках до четырёх утра, отсыпаясь днём, когда из-за палящего солнца невозможно было находиться на морском берегу.

Вечерами на дискотеках Сергей стал ловить себя на мыслях, что с большим удовольствием оказался бы на танцполе не с женой, а один. Здесь было много хорошеньких молоденьких девчонок из разных стран, которые носили яркие откровенные наряды и вели себя настолько раскрепощённо и даже развязно, что ему очень захотелось с некоторыми из них познакомиться. И не только познакомиться...

По утрам, разглядывая точёные фигурки загорелых девушек на пляже, он думал о том, что не успел нагуляться, слишком рано женился и загнал себя в рамки обладания одной-единственной женщиной. Однако вскоре он решил, что официальная семья останется семьёй, а лишать себя радости тайного общения с посторонними красотками совсем необязательно. Это всё обязательно будет.

В сентябре Скворцов вышел на работу в районный отдел милиции инспектором уголовного розыска. Получив краснокожее удостоверение и табельное оружие, он вдруг почувствовал, что с этого момента наделён особой властью над людьми. Не над всеми, конечно, но над многими, кто уже преступил закон или только попал под подозрение. Он, Сергей Анатольевич Скворцов, теперь может запросто вершить чужие судьбы. И не только принимать мысленные решения, но и выбирать уровень активности сообразно сложившейся обстановке. Или вопреки.

Как там писал Вольфганг Кёппен в романе «Смерть в Риме»? «Размышления – это зыбучие пески, опасная запретная зона. Думают литераторы. Думают культуртрегеры. Думают евреи. Острее всех мыслит пистолет».

Свою первую взятку, так называемые «отпускные», он получил уже через два месяца, решив судьбу квартирного вора, и вышло это совершенно случайно. Скворцов возвращался со службы около девяти часов вечера, когда за пару кварталов от своего дома вдруг заметил впереди худощавую мужскую фигуру с большим матерчатым свертком подмышкой и тут же нутром почувствовал: жулик. Чутьё не подвело.

Сергей ускорил шаг, пытаясь поравняться с подозрительным субъектом, но тот заметил в лунном свете тень преследователя и, бросив сверток на землю, принялся бежать. Догнать и скрутить хлипкого мужичонку для высокого спортивного парня не составило труда, это было делом нескольких минут, оставалось только препроводить его к месту, где тот сбросил, предположительно, краденое и далее – в территориальный отдел.

– Кого ограбили, гражданин? – вкрадчиво спросил Сергей, и пойманный заверещал:

– Ты мне, начальник, грабёж не шей! Никого в хате не было. Да и не поймал бы ты меня, если бы я не пожадничал и хозяйскую шубу не прихватил. Хватило бы и бабок с цацками... Слушай, отпусти меня, начальник, я тебе всё отдам, что забрал. Я же только что откинулся, жена из хаты уже выписала, жить же где-то надо, кушать же что-то надо.

– Пошли, покажешь хату, да без фокусов, – велел Скворцов, крепко держа задержанного за заведённую за спину руку. – Если тебе повезёт, и там никого не окажется, вернёшь украденное – и отпущу.

Они поравнялись со сброшенным кулем, и оперативник заставил вора подобрать его. Двинулись вглубь жилого квартала, вошли в подъезд, поднялись на второй этаж, и Сергей несколько раз позвонил в дверь. Убедившись в том, что за ней тихо, приказал:

– Отпирай.

К его удивлению, жулик вытащил из кармана не отмычку, а ключ и дважды прокрутил его в замке.

– Откуда ключик-то?

– Так я же не просто так, с кондачка, а по наводке.

Сергей втолкнул вора в прихожую:

– Ну-ка быстро раскладывай всё по местам, где что лежало.

Оперативник, конечно, сильно рисковал. Но появившись на пороге хозяева, можно было объяснить ситуацию тем, что выследил вора и поймал с поличным. Мужичонка засуетился, развернул норковую шубу, повесил её на плечики в шкаф, аккуратно сложил и сунул на полку простынку, в которую была замотана краденая вещь.

– Карманы выворачивай, – поторопил оперативник.

Вор вынул из внутреннего кармана пальто замызганный носовой платок со следами крови и высыпал из него в малахитовую шкатулку пригоршню колечек, цепочек и кулонов. Сергей дождался, пока мужчина выключит свет, закроет дверь, и забрал у него ключ. Они вышли из подъезда и завернули за угол дома. Вор торопливо что-то сунул Сергею в карман куртки, шепнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.